

ХОСЕ КАРЛОС СОМОЗА

СОБЛАЗН

Я твердо верю, что возможность создать новый текст —
это единственная настоящая магия, которой мы всё еще обладаем:
можно строить миры и населять их, вершить судьбы, изменять жизнь.

Хосе Карлос Сомоза

Хосе Карлос Сомоза

Соблазн

Серия «Большой роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34741510

Хосе Карлос Сомоза. Соблазн: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва;

2018

ISBN 978-5-389-15208-3

Аннотация

Психолог Виктор Женс на основе досконального изучения пьес Шекспира создал особую систему подготовки агентов полиции. Его ученики, прошедшие жестокое и долгое обучение, становятся «наживками», способными разоблачить любого злоумышленника. Настоящая наживка знает: когда речь идет о наслаждении, рассудок молчит, обнажаются потаенные закоулки души, подсознание выходит на поверхность и преступник сам изобличает себя. Опытный профессионал Диана Бланко, лучшая из лучших, ведет дело Наблюдателя – серийного убийцы, которому странным образом удастся избежать всех ловушек, расставленных испанской полицией. И эта охота для Дианы не просто работа, она готова предъявить монстру счет – на сей раз лично от себя...

В романе замечательного испанского писателя Хосе Карлоса Сомозы проявился и его интерес к устройству человеческой

души, к ее аморфной темной составляющей, и его любовь к литературе, в частности к колоссальной и загадочной фигуре Шекспира.

Впервые на русском языке!

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	10
I	20
1	20
2	32
3	47
4	63
5	77
6	94
7	112
8	130
9	151
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Хосе Карлос Сомоза

Соблазн

José Carlos Somoza

EL CEBO

Copyright © José Carlos Somoza, 2010

All rights reserved

© Е. Горбова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство ИНОСТРАНКА®

***

Хосе Карлос Сомоза родился в 1959 году в Гаване, но уже в 1960 году его семья переехала в Испанию. В Мадридском университете он получил образование, стал врачом-психиатром. Однако страсть к литературе победила, и Сомоза начал активно писать.

Сегодня он является автором целого ряда успешных романов: «Молчание Бьянки» (лауреат премии «Вертикальная улыбка», 1996), «Рисованное окно» (премия «Кафе Хихон», 1998), «Письма заурядного убийцы» («Дебаты», 1999), «Дафна без чувств» (финалист премии «Надаль», 2000). Роман «Африканские убийства, или Пещера идей» (британская

премия «Золотой кинжал» за лучший роман 2002 года) был переведен более чем на двадцать языков мира и получил чрезвычайно теплый прием международной критики. Произведение «Клара и тень» удостоено премии Фернандо Лары за 2001 год, премии Хэннета за лучший детективный роман 2002 года.

Перу Сомозы принадлежат также несколько рассказов, сценарий радиопостановки и несколько театральных произведений.

Отличительной чертой творчества писателя является сочетание невероятной, изощренной сюжетной изобретательности, умения создать динамичное, захватывающее повествование и вложить туда множество смыслов. Это романы-загадки, романы-ребусы, которые нелегко и невероятно интересно разгадывать, а решение, предложенное автором, всегда оказывается неоднозначным и неожиданным.

***

Хосе Карлос Сомоза, наряду с Артуром Пересом-Реверте, – один из самых читаемых в мире современных испанских писателей. Его романы переведены более чем на тридцать языков.

Я твердо верю, что возможность создать новый текст – это единственная настоящая магия, которой мы все еще облада-

ем: можно строить миры и населять их, вершить судьбы, изменять жизнь.

Хосе Карлос Сомоза

***

Великолепная книга, как и всегда у этого автора. Представляя себе не очень далекое будущее, Сомоза дает волю фантазии: человеческие наживки, гатренированные специальным образом, чтобы охотиться, весьма эффективны в поимке убийц, за исключением данного случая... Когда преступники знают больше, чем наживки.

С самого начала волнующий водоворот событий захватывает читателя, интригующая атмосфера не отпускает до самого конца, пока роман не оказывается прочитанным.

Читательский отзыв на Amazon

Она лучшая, она прошла подготовку и способна поймать Наблюдателя – жестокого убийцу. Она – наживка. В то время как технологии при поимке преступников уже бессильны, полицией обнаружен гораздо более совершенный способ, ключ к которому дала интерпретация театра Шекспира: каждая его пьеса, написанная под влиянием Лондонского кружка гностиков, отражает тот или иной способ манипулирования желанием. «Маски», которые используют наживки – эксперты в области человеческого поведения, позволяют

контролировать то, что гнездится внутри нас самих. Когда Диана Бланко узнает, что новой жертвой Наблюдателя может оказаться ее сестра, начинается преследование, бег наперегонки со временем, и это неумолимо приближает героиню к логову монстра. Стремительно меняются декорации, подозрения падают то на одного, то на другого героя, тревога до конца не отпускает Диану, ведь даже в пустынном пейзаже никто и ничто не является тем, чем кажется...

Рецензия издательства «DEBOLSILLO»

Хосе Карлос Сомоза среди авторов, пишущих на испанском языке, считается одним из самых смелых новаторов в области литературы мистической и фантастической направленности: в своих произведениях он стремится преодолеть барьер между жанрами...

Его романы переведены более чем на тридцать языков.

Planeta de Libros, España

***

*Посвящается
Диего Хименесу и Марге Куэто*

*Весь мир – театр,
В нем женщины, мужчины – все актеры¹.*

---

¹ Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

«Как вам это понравится», II, 7

Пролог

Ибица, за три месяца до начала событий

Маска, казалось, взирала на девушку как-то зловеще, хотя была всего лишь этническим украшением, висевшей на стене точеной деревяшкой. Имелась и вторая маска, в точности повторявшая первую, – эта находилась в некотором отдалении. Девушка впервые обратила на них внимание, когда ее попросили повернуться в профиль. Команды давал только один человек – тот, что сидел; второй молча стоял за стулом первого.

– А теперь сними, пожалуйста, рубашку.

Хотя делать это провокативно от нее не требовалось, девушка подумала, что от брюк и обуви она избавилась слишком поспешно, и решила показать, что интриговать тоже умеет. Пуговицы уже были расстегнуты, так что теперь она высвободила одно плечо, потом другое, и ткань соскользнула, повиснув на запястьях. Бюстгальтера на ней не было, но ее маленькие груди едва выделялись на теле, которое анатомически представляло собой нечто среднее между худобой и анорексией, а трусики выглядели крохотным треугольником, таким же черным, как и вся остальная одежда. Девушка намеренно выбрала этот цвет – чтобы усилить контраст с молочно-белой кожей и платинового цвета волосами. Един-

ственным, что в ней не выглядело мелким, были пухлые, сексуальные губы и веки, воспаленные из-за работы по ночам, в мерцающем свете, и приличных порций спиртного.

Оставив рубашку на том же стуле, куда чуть раньше приземлились брюки, она отступила к центру импровизированной сцены. Два слепящих луча едва ли позволяли ей увидеть что-то еще, кроме масок на стене слева и глазка видеокамеры прямо перед ней. Голос того, кто сидел позади камеры, был мягким, приятным, очень четким:

– Повернись вокруг себя, пожалуйста.

Выполняя эту просьбу, она, чтобы чем-то заполнить напряженную паузу, спросила:

– Я правильно делаю это?

– Да, все хорошо, не волнуйся.

Она явно была на нервах. Конечно, волновалась, сколько бы ни твердила себе, что совершенно спокойна. Дело во все не в том, что у нее не было опыта подобного рода просмотров. Лени, или Олене Гусевой, как значилось в ее потрепанном паспорте под ужасающей фотографией, приклеенной рядом как некое оскорбление, частенько случалось позировать перед камерой, в том числе и с меньшим количеством одежды на теле, чем сейчас. Ответственность за это лежала на Карле – берлинском фотографе, который притащил ее из родного Киева на Ибицу. Прежде чем он ее бросил, они прожили вместе три года, и за это время Карл сделал ей замечательное портфолио, которое Олена разместила

на своей страничке в Сети и предъявляла практически всем испанским и иностранным агентствам, которые могли быть в ней заинтересованы. А пока что работала официанткой в одной из кафешек на Ибице, но была совершенно уверена в том, что судьба ее вскоре переменится. Когда-нибудь наступит великий день, ее мечта исполнится и она станет киноактрисой. Адриана, девушка из Гондураса, вместе с которой они снимали квартиру, умела гадать на картах и однажды предсказала ей: «Тебя ждет чудесное будущее, Лени, но только при условии, что будешь меня слушаться».

Адриана была смуглой, коренастой, с индейскими чертами лица. Она, как и Олена, начинала официанткой, но теперь получила «приличную должность» помощника в турагентстве. Олена очень ее любила – Адриана была экстравертом, очень отзывчивым человеком. Жаль, что ко всему прочему она еще такая мнительная, осторожная и не устает давать советы. Олена звала ее мамочкой, хотя настоящая мать о ней никогда так не пеклась. Адриана без конца повторяла, что для таких девушек, как Олена, Ибиса – не остров, а ничейная территория, соединенная со всеми пятью континентами. «Я знаю о девчонках, которые приезжали сюда, а потом неожиданно пропадали, и больше о них никто ничего не слышал, – рассказывала она Олене. – А потом они объявлялись где-нибудь в Азии или в одной из арабских стран». У Адрианы с языка не сходили истории о похищениях, убийствах и изнасилованиях. Она настаивала, чтобы Олена овла-

дела собственным «базовым *комплект*ом выживания» – набором трюков и умений, которые помогли бы ей уверенно чувствовать себя в любой ситуации.

Для Адрианы существовало только будущее – она его или предсказывала, или боялась. Олена же, напротив, жила настоящим, будучи при этом не менее осмотрительной, чем подруга. Ее родная Украина была такой же непростой страной, как и любая другая, известная Адриане, и, чтобы жить в ней, не нарываясь на неприятности, нужно было с детства научиться осторожности. Так что Олена никогда не отправлялась в незнакомое место, не поставив в известность всех окружающих, включая двух кукол – подруг детства, только их она взяла с собой, уезжая из Киева. Порой Олена отправлялась на «сомнительные» встречи в сопровождении какого-нибудь мускулистого завсегдатая дискотеки и никогда не забывала оставлять сообщения, в которых информировала о том, когда ушла и в котором часу думает вернуться. Не стоит и говорить, что девушка всегда брала с собой мобильник, хотя и знала, что телефон оказывается совершенно бесполезен при подавлении сигнала, применявшегося все чаще. Людям она доверяла больше, чем устройствам, – как любой разумный современный человек. Обмануть Лени Гусеву, несмотря на ее внешнюю хрупкость, было не так просто. В некотором смысле ее собственный «базовый *комплект*» был намного надежнее, чем у той же Адрианы.

– Великолепно. Стой так, лицом сюда. Смотри прямо в

камеру.

Тем не менее она нервничала – не скажешь, что нет. Во рту пересохло, и она, хоть и осталась практически голой, начала потеть. И ведь не то чтобы в этом просмотре ее хоть что-то взволновало. Те двое, которых она видела перед собой, сохраняли в общении с ней необходимый баланс вежливости и отстраненности. Съемка шла уже полчаса, и они заранее предупредили, что снимать ее будут в нижнем белье, что было абсолютно нормально. Ее тревога, вне всякого сомнения, стала следствием желания сделать все как можно лучше, чтобы ее выбрали в результате кастинга. Должно быть, дело именно в этом.

Она с самого начала почувствовала, что этот просмотр – ее главный шанс. Объявление, которое она нашла в Интернете, было самым обычным, одним из многих. Речь шла о том, чтобы найти девушек «со способностями», снять их на видео и отобрать среди всех кандидаток двух-трех наилучших, чтобы потом отослать материалы североамериканским и европейским кинокомпаниям. Именно так, ни больше ни меньше. В самом объявлении значилось и название агентства: «Эфес». Олена разыскала все, что смогла, об этом агентстве; оказалось, что уже более десятка лет оно открывает новые имена и лица для киноиндустрии – на эпизодические роли в высокобюджетных картинах. И, нимало не сомневаясь, Олена послала свое портфолио и контакты. Она в любом случае ничего не теряла, поскольку агентства никогда

не отвечали, даже если ты пошлешь им «свое фото, на котором делаешь *это* с ослом», как выражалась Адриана, неисправимая оптимистка.

Но на этот раз они ответили.

Через три дня на ее электронный адрес пришло приглашение на пробы. В семь часов июльского вечера в одно из зданий-близнецов «Ява» на Плайя-д'ен-Босса. Место это уже само по себе производило благоприятное впечатление: два здания «Ява» были жилыми, оборудованными системой «умный дом» и такими замысловатыми штуками, как прозрачные стены или двери, открывавшиеся на звук голоса. Арендовать помещение здесь могло только агентство масштаба «Эфеса».

Олена несколько дней обдумывала, что надеть на пробы, дабы произвести наиболее благоприятное впечатление. Наконец остановилась на черном цвете: рубашка, джинсы, кроссовки. И вот, пока она облачалась во все черное тем самым вечером, в ее маленькую комнату смерчем ворвалась Адриана:

– Не ходи туда, Лени! У меня плохое касание.

Олене было хорошо известно это выражение. «Плохое касание» означало дурное предчувствие. Адриана говорила, что эти «касания» были следствием ее духовной связи с сестрой-близняшкой, которой не суждено было родиться. Сестра «касалась» ее, дотягиваясь из потустороннего мира, когда хотела о чем-нибудь предупредить, большей частью о ка-

кой-нибудь опасности. Именно благодаря этим сообщениям, утверждала Адриана, она как-то раз не села в автобус, который почти сразу после отправления рухнул в пропасть.

– Ты уже рассказывала историю про автобус, Адри, – произнесла Олена своим серьезным хрипловатым голосом, в котором слышался славянский акцент. – Это ведь всего лишь просмотр: туда и обратно. Кроме того, ты ведь знаешь, куда именно я иду.

– А представь: тебя накачивают наркотиками и увозят в другое место.

– Это серьезное агентство. Ты же видела их сайт. Это «Эфес»...

Адриана, не отрывая взгляда, не мигая, смотрела на подругу огромными антрацитовыми глазами.

– Тебя снимут голой, и если ты им понравишься, то просто исчезнешь, – объявила она.

Олена, улыбаясь, покачала головой, не переставая причешиваться перед зеркалом.

– И тогда ты сможешь наконец сдать мою комнату, о чем уже давно мечтаешь.

– Я говорю серьезно. Мне это передала сестренка, Лени. – Тон Адрианы и вправду был убийственно серьезен – это даже произвело на Олену впечатление. – Пожалуйста, не ходи туда.

Олена сжала руки подруги. Они были холодными.

– Скажи-ка мне, мамочка, вот что: когда-нибудь эти «ка-

сания» тебя подводили?

– Никогда. – Адриана отрицательно замотала головой, но вдруг засомневалась: – Ну, может, один раз...

– Значит, они не всегда сбываются, ведь так? Я вернусь раньше, чем ты думаешь.

И уже с порога послала подруге воздушный поцелуй.

Внезапно все завершилось.

– Спасибо, Лени, этого достаточно.

Минуту она только мигала – словно удивляясь такому резкому окончанию съемки. Потом отметила, что челка прилипла к влажному от пота лбу. Несмотря на отсутствие одежды на теле, она задыхалась в обжигающем свете юпитеров. И вот они погасли, оставив пару фиолетовых пятен перед ее глазами: два магматических круга, словно глаза дьявола. Олена потерла глаза и заморгала, привыкая к обычному рассеянному свету.

Сидевший человек поднялся, на его губах играла мягкая улыбка.

– Можешь одеваться. Мы закончили.

– Так есть у меня способности? – поинтересовалась Олена, застегивая пуговицы на рубашке. Ей не хотелось задавать глупых вопросов, но она слишком волновалась, к тому же человек, говоривший с ней, казался любезным, располагал к себе.

– Сейчас пообещать что-то трудно, дорогуша. Претенден-

ток несколько, и четкого видения ситуации у нас пока нет. Но ты нам понравилась. У тебя есть индивидуальность, и перед камерой ты держишься уверенно.

Этот комментарий доставил Олене удовольствие.

– Спасибо. А когда станут известны результаты?

– Когда лето закончится. Где-то в сентябре-октябре, что-то в этом роде... Твои контакты у нас есть, так что сообщим, если что... С тобой все в порядке?

– Да, вот только... – Вдруг она почувствовала, как кружится голова. Закрыла глаза и увидела: два мощных юпитера, гротескные маски, видеокамера, и все это кружится в хороводе.

«Представь: тебя накачают наркотиками».

Девушка глубоко вздохнула, сделала несколько шагов, и комната обрела реальные размеры. Она успокоилась. Никто ее не накачивал наркотиками. Ей даже воды не предложили. Единственное, что доставляло неудобство, – ощущение жара. Она улыбнулась и взяла бумажные платочки, протянутые ей другим человеком – тем, кто все время молчал. Платочки он достал из коробки, лежавшей на стеклянном журнальном столике рядом с книгой. Вытирая пот, Олена из любопытства посмотрела на название: «Комедия ошибок» Уильяма Шекспира. И этот факт окончательно убедил ее в том, что единственный интерес этих людей – мир зрелищ, спектаклей.

– Хочешь зайти в туалет перед уходом? – предложил тот, кто раньше беседовал с ней.

– Нет, спасибо, со мной все в порядке...

Так и было. С каждым мгновением все лучше. Олена на прощание крепко пожала обоим мужчинам руки, а когда вышла из здания на залитую щедрым солнцем и продуваемую морским бризом улицу, голова ее окончательно прояснилась. Она не знала почему, но вдруг пришло ощущение, что она будет избрана.

По дороге к автобусной остановке она вынула из сумочки мобильник и отправила Адриане сообщение: «Меня не похитили». Дома Адриана сделала вид, что рассердилась из-за легкомысленного тона подруги, но потом они на эту тему уже только шутили. И так как в тот вечер Олене не нужно было работать, они вместе поужинали и выпили за ее артистическое будущее.

И только значительно позже, перед тем как заснуть в одиночестве своей маленькой комнатки, она вспомнила одну деталь – незначительную, но любопытную.

Тот человек, который разговаривал с ней во время съемок, назвал ее под конец «Лени». А она была уверена, что не упоминала своего домашнего имени. Или все-таки упоминала?

Она чуть с ума не сошла, отыскивая в памяти ответ на свой вопрос, но в конце концов решила, что это не важно. С этими мыслями она и уснула.

I

Начало

Что ж нам придумать? Маскарад иль танцы...²

«Сон в летнюю ночь», V, 1

1

Мадрид, настоящее время

Мужчина выглядел совершенно нормальным, и именно это заставляло считать его опасным.

Его дом, или, по крайней мере, тот дом, в который он привел меня, назвав своим, производил все то же впечатление избыточной нормальности: таунхаус с солнечными панелями на крыше, малюсеньким участком и суперсовременными охранными системами, расположенный на тихой улице в «Падуе» – одном из кондоминиумов в окрестностях Мадрида, которые подходят как раз для домов и людей, не вписывающихся в другое окружение. Изнутри дом благоухал свежестью и блистал порядком, что также меня заинтриговало. Он

---

² Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

уже успел сказать, что живет один, а такая чистоплотность в мужчине не могла не вызвать подозрений.

– Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома, – сказал он мне, набирая код на пульте охранной системы при входе.

– Спасибо.

– Что будешь пить? – Он широко улыбнулся и развел руками. – Вот только никакого алкоголя у меня нет.

– Что-нибудь light³, любой напиток, который найдется.

Сумку я положила на диван, но садиться не стала. Когда он вышел из комнаты, я принялась изучать обстановку. Насчитала не менее пяти картин на пасторальные темы, от которых раззевались бы даже бабульки, а также больше дюжины религиозных артефактов, включая одну из этих микроскопических скульптур с ликом Богоматери или Христа, которые можно разглядеть только под лупой. Обостренной религиозности я ожидала. Не удивил и ноутбук с инфракрасным портом на журнальном столике посреди комнаты. Повидимому, этот тип работал редактором на одном из новостных каналов онлайн, и если жил он один, то вполне мог размещать компьютеры где заблагорассудится.

А вот изображение женщины неожиданностью стало.

Голографическая карточка, заключенная в рамочку в форме буквы U, стояла на небольшой подставке из камня и украшала собой белую книжную полку с четырьмя томами по информатике и распятием. Женщина сидела рядом с

---

³ Легкое (англ.). (Здесь и далее примеч. перев.)

мужчиной, похоже, в каком-то баре. Оба улыбались и выглядели скучающими, особенно женщина. Я тут же принялась ее рассматривать: возраст – около тридцати, крепкого телосложения, с густой темной шевелюрой. Фасон платья оставляет открытыми плечо и левую ногу. Одна рука покоится на другой. Женщина производила впечатление доминантной самки, и это шло вразрез с тем, чего я ожидала от Сеньора Чистюли, однако кое-что в ее позе заставило меня задуматься.

За моей спиной слышались шаги, но я решила продолжить разглядывать портрет.

– Не знал, со льдом тебе или нет... – Он замолчал, увидев меня.

– Безо льда вполне подойдет.

– Тебя заинтересовало это фото?

Я забормотала какое-то идиотское извинение, но мужчина продолжил, улыбаясь:

– Это моя жена. Бывшая жена, хотел я сказать.

– О, вот как.

Мы усадились на диван, он слева от меня. Я повернулась к нему и устроила небольшую проверку. На мне были штаны, не юбка, но зато облегающие, из черной кожи, что позволило продемонстрировать ему внешнюю сторону бедра. Я подождала, пока он переведет на меня взгляд, и стала снимать тесную кожаную курточку с застежкой на ремешках, обнажив вначале левое плечо. И проследила за его глазами: зацеп

не усилился, но, кажется, и не ослабел. Понятно было, что ему нравится смотреть на меня в этой позе – позе его бывшей, – но не слишком. Я попробовала заговорить, все еще совершая манипуляции со «шкуркой»:

– А мне ты сказал, что холостяк.

– Я совсем недавно развелся. – Мужчина махнул рукой, показав, что не придает этому значения. – Эта вода уже утекла.

– Верно. Если механизм уже не работает, лучше от него избавиться. – И я бросила куртку рядом с сумкой. Вообще-то, я выбрала место подальше от сумки, показывая тем самым, что времени у меня предостаточно, но прибавила: – Мне скоро уходить.

– Ну и ну! – проговорил он, словно речь шла о досадном недоразумении, и показал на стакан, стоявший на столе. – А пить ты что, не будешь?

– Буду, конечно.

Я пригубила напиток. Легкий привкус лимона, но это все не значит, что туда не подмешаны наркотики. Но это меня не очень заботило, поскольку я была полностью уверена, что ничего он со мной не сделает, если я буду без сознания. Если он – Наблюдатель, то, чтобы развлечься, я нужна ему в адекватном состоянии.

– А ты красивая, – заявил он. – Очень-очень красивая.

– Спасибо.

– Такая стройная и... высокая. Ты похожа на модель... И

такая молоденькая...

– Хочешь узнать, сколько мне лет? – Я улыбнулась и договорила: – Двадцать пять.

– Ага. А мне – сорок два.

– Ты тоже молодо выглядишь.

Он поднял свою волосатую руку, поблагодарил меня за комплимент и засмеялся, будто над тонкой шуткой. Когда он не пил, его взгляд обращался к моему лицу и от него уже не отрывался, словно глаза солдат в присутствии командира, но я-то знала, что все, что его во мне привлекает, все, что его цепляет, начинается как раз от пучка волос на затылке и ниже: черные бретельки, рассекающие мои плечи, кожаные браслеты, так похожие на наручники, мой голый живот ниже топа, мои ноги, обтянутые тонкой черной кожей штанов, заправленных в остроносые сапожки.

Говоря, мужчина активно жестикулировал, словно выполняя гимнастические упражнения с гантелями.

– А ты... испанка или?.. Ты похожа на... не знаю... На шведку или что-то в этом роде...

– Я из Мадрида. Шведка из Чуэки⁴.

Покачив головой, он расхохотался:

– В такие времена живем – никто не есть тот, кем кажется...

– Да уж, и не говори, – согласилась я.

---

⁴ Чуэка – богемный район Мадрида, расположен сразу за проспектом Гран-Вия, известен также как гей-квартал.

Повисла пауза. Я воспользовалась ею, чтобы осторожно за ним понаблюдать, пока он задумался. «И о чем ты думаешь, козлина? Ведь вертится же что-то без конца в твоей голове. И не просто секс... Есть за этим мрачным лицом что-то еще, о чем тебе хочется сказать или сделать... Что же это?»

Он назвался Хоакином. Внешность его вызвала у меня в памяти кадры из фильмов про кроманьонцев, которые крутят на платных каналах: крепкий, невысокого роста, со скошенным лбом, волосы подстрижены ежиком, густые брови, сросшиеся на переносице, глаза расставлены широко, неподвижные. Тело, заключающее в себе огромную физическую силу, – и мозг, об этом не подозревающий. Он из тех, кто после соответствующей тренировки способен разбивать кирпичи ударом головы. В одежде тоже обнаруживалась забавная деталь: зеленая рубашка в тон к джемперу. Забота о собственном имидже. Мужчина одинокий и франтоватый, религиозный и разведенный, с мягким голосом и грубым телом. Волосатая и мускулистая тайна, застенчив, взгляд неподвижный.

Он все еще был у меня на крючке, но стало очевидно: чтобы он начал действовать, нужно что-то еще. Я снова подумала о доминантном облике его бывшей, если это действительно его бывшая, и вспомнила, что говорил Женс по поводу «Укрощения строптивой» Шекспира и связи этой пьесы с филией Жертвоприношения. В этой пьесе Катарина – строптивая – создает препятствия, распалаяющие Петруччо, кото-

рый, в свою очередь, «укрошает» ее при помощи еще больших препятствий. «Эта борьба двух волей, сталкивающихся друг с другом, – говорил Женс, – и есть символ маски Жертвоприношения».

И я попробовала именно эту тактику. Со стуком поставила стакан на стол, так что он зазвенел, изменила позу, а голосу придала некоторую резкость:

– Ну так что?

– Извини?.. – Он буквально подскочил.

– Ну, что ты хочешь делать?

– Делать?

– Ты привез меня к себе, чтобы что-то делать, разве не так?

Мужчина, казалось, потратил немало времени на обработку моего вопроса.

– Ну... Я думал, мы могли бы сначала немного поболтать...

– С такими планами мне придется всю ночь болтать. Откровенно говоря...

– Ты торопишься?

– Вот что, я даю тебе час. – И я развела руками. – На большее время остаться я не смогу.

– Ладно-ладно. Я просто хотел, чтобы мы хоть немного узнали друг друга...

– Уже узнали. Я – Джейн, ты – Тарзан. Что еще нужно?

– Да нет, хорошо, я просто...

Я усилила натиск:

– Если хочешь заплатить за час склоки – вперед, все в твоих руках. А еще я беру отдельно, если заскучаю...

– Нет-нет... Лучше так. Двое незнакомцев.

– А теперь скажи, чего именно ты хочешь...

– Я не буду делать ничего, чего не захотела бы ты, – перебил он.

То, что он впервые перебил меня с тех пор, как час назад мы познакомились в одном из клубов, показалось мне хорошим знаком: движок разогревается.

– Нет, ты сам скажи. Я уже говорила, что обсуждается все, кроме одного: деньги вперед... Если вижу деньги, делаю все, что захочешь. Больше денег – больше делаю.

– Все просто, да?

– Проще простого.

Он достал бумажник и стал отсчитывать банкноты. Вдруг меня кольнула острая тоска. Я уж начала думать, что он всего лишь приторможенный мудила, один из многих филиков⁵ Жертвоприношения, но вполне невинный – без всяких там зловещих кладовок или подвалов. Скорее всего, так оно и есть, но одна деталь заставляла меня настаивать. Всего одна деталь: «Почему ты так контролируешь мой взгляд, Хоакин? На что это ты и сам не хочешь смотреть, и мне не даешь?»

Я шевельнула рукой, будто намереваясь взглянуть на часы, но, не завершив этого жеста, снова уставилась в глаза Ры-

---

⁵ *Филик* – авторский неологизм, от слова «филия» – приверженец, почитатель.

бы.

И поймала его. Черные зрачки на долю секунды отклонились к некой точке, которая находилась у меня за спиной, прежде чем вновь остановиться на моем лице. Что это? Оглянуться, чтобы взглянуть на это, я не могла: это было бы равносильно тыканью пальцем в тайную комнату Синей Бороды. И выругала себя за небрежность: Женс ведь предупреждал, что необходимо хорошо изучить декорации, прежде чем начать применять какую бы то ни было маску.

Искать зеркала было бессмысленно, но мне удалось использовать одну из застекленных картин, висевшую прямо за спиной мужчины. На поверхности стекла отражался свет из прихожей, который проникал сквозь стеклянную дверь за моей спиной. Он смотрел на это?

– Достаточно? – спросил он, подвигая ко мне пачку банкнот.

Я взяла деньги. Он снова отхлебнул из стакана, и это позволило мне еще раз взглянуть на застекленную картину.

Там было что-то еще рядом с дверью, что-то угловатое. Я напрягла память, припоминая все, что видела, входя в этот дом. И поняла.

Балясины перил.

Перила лестницы, которая ведет наверх.

Второй этаж. Вот оно что! Это и было тем, на что он не хотел смотреть. Все – на верхнем этаже. Нужно было как можно скорее перенести действие именно туда.

– Тебе скучно? – поинтересовался он.

– Ну что ты! Мне так нравится разглядывать твои картины.

Услышав в моем голосе сарказм, он покраснел, но продолжал молча пить.

Прямо сейчас он меня наверх не поведет, это ясно. Его псином теперь, когда он уже попал на крючок, должен был повариться в собственном соку. Но мне-то нужно как можно скорее узнать, не ошиблась ли я с этим субъектом. Однако любая инициатива сексуального характера успеха не принесла бы: если первый шаг будет моим, его истинное желание угаснет и он никогда не поведет меня *наверх* и не откроет мне свой *секрет*. Все это, а также многое другое пронеслось в голове с космической скоростью, и я решилась на сильнодействующее средство:

– Слушай, мне очень жаль. Но мне нужно идти.

Деньги я положила на столик, встала, взяла куртку и начала одеваться.

– Ты говорила, что у тебя час времени, – монотонно возразил он.

– Да, говорила, но, слегка поразмыслив, передумала.

Я склонила голову набок, сделав вид, что забыла взять сумку, но на самом деле принялась застегивать один из ремешков на куртке и только потом взяла в руки сумку. Повернувшись к выходу из гостиной, я подняла руку, положила ее на сумку, словно хотела открыть ее, но жест завершился

всего лишь пожатием плеч.

– Правда, мне очень жаль, может, как-нибудь в другой раз? Прощай.

Мои жесты были хорошо просчитаны. Тренеры называют их «танцем», потому что эти движения не направлены к какой-либо конкретной цели и взаимно гасятся, как споры между Петруччо и Катариной. Это классика в театре Жертвоприношения. Мой план заключался в том, чтобы усилить его наслаждение, что должно было побудить его перейти к активным действиям как можно скорее.

Я направилась к выходу. Остановилась:

– Здесь поблизости есть станция метро?

– В конце улицы.

– Спасибо.

Я не думала, что у меня получится. Он меня отпускал. Стук каблуков, когда я направлялась к дверям, звучал для меня мучительным тиканьем часов.

И тогда наконец я услышала его голос:

– Подожди.

Я остановилась и оглянулась.

Мужчина поднялся на ноги, улыбаясь, но его широкое лицо со скошенным лбом побледнело.

– Я... мне хотелось бы кое-что сделать.

– Но я же сказала, мне пора уходить.

Он достал бумажник.

– Если видишь больше, делаешь больше, разве не так? –

И он добавил банкноту к тем, что лежали на столике.

Я сделала вид, что даю ему еще немного времени.

Он улыбнулся:

– Иди сюда, хочу кое-что показать тебе.

Он направился к лестнице и стал подниматься.

На втором этаже интерьеры были практически такие же: все белое, непорочное, холодное. Нелепая репродукция с фигурой средневекового рыцаря на гипсовой колонне. Две двери, напротив друг друга, которые вполне могут вести в спальни. Мужчина толкнул правую дверь, прорезанную стеклянными вставками, и в комнате автоматически зажегся свет.

– Моя спальня, – сказал он. – Проходи.

Все настолько безупречно чистое, что я сразу же подумала об операционной. Постель гладкая, как мысли покойника. Мебель почти отсутствует – только комод, на котором абсолютно ничего, и шкаф с электронным замком, и то и другое белое. Над комодом – единственное зеркало, которое я увидела в этом доме. Заключенное в простую раму, оно, казалось, так хорошо выполняло свою функцию, что отразило бы и вампира. Металлические жалюзи предположительно закрывали вход на террасу.

– Ну как тебе? – поинтересовался он.

– Не знаю, – ответила я совершенно искренне. – Во всяком случае, ты гораздо больший любитель порядка, чем я.

Щеки Хоакина вспыхнули.

– Да, мне нравится порядок. Даже слишком. – Он повернулся к шкафу – огромному, метра в четыре шириной, – и

начал набирать комбинацию цифр.

– Можно здесь располагаться?

– Нет, подожди, – отозвался он.

Было что-то беспокоящее в этой обстановке, но я не могла понять, что именно. Меня не удивило, что я не обнаружила ничего, связанного с религией, в его «убежище», потому что в противном случае это означало бы, что его сознание проникло так глубоко. Но эта белизна и слабый запах антисептиков наводили на мысль о непосредственной связи с интерьером. И все это было не очень характерно для филика Жертвоприношения. Да не стоило и утверждать, что не было ничего, связанного с религией: две картинки в углу, на складной подставке в изголовье кровати, рядом с ноутбуком, так что лежащий в постели, не вставая, мог увидеть эти изображения. И пока Хоакин набирал код, я стала их разглядывать. Это были репродукции старинных полотен, изображавших двух женщин с нимбом над головой в апогее их мученичества: одна, обнаженная, стоит на коленях рядом с ошетинившимся острыми ножами колесом, которое, казалось, должно нарезать ее тело тонкими ломтиками, как колбасу; другая, облаченная в тунику, вот-вот будет вздернута на крестообразную дыбу. Ни та ни другая, естественно, не выглядели довольными жизнью.

– Забавно, – произнес он, все еще стоя ко мне спиной, в то время как в полной тишине сдвигалась дверь шкафа. – Я отправился сегодня вечером в «Орлеан» взять у одного субъ-

екта интервью для своей странички, а встретил там тебя...

– Превратности судьбы.

Это была его версия, которую он уже успел мне поведать. «Орлеан» был убогим придорожным клубом pick-up⁶, который недавно реконструировали, превратив его в еще больший отстой – с налетом готики, цветными витражами и блондинками из Восточной Европы, которые смотрят в пол, приотворяются половозрелыми и принимают позы невинных дев. Но в клубе привечали и девушек со стороны – при условии, что они будут обдeldывать свои делишки по-тихому, не привлекая внимания. Потому-то я и выбрала это местечко, чтобы завершить вечер, к тому же клуб занимал среднюю позицию в списке мест, ранжированных по вероятности появления там Наблюдателя. Вернувшись из туалета и заказав коктейль под названием «Костер», я уселась возле барной стойки, и ко мне подошел этот тип с рыбьими глазами, спросил, не знаю ли я одного человека, англичанина, по фамилии Тальбот. Он пояснил, что этот англичанин – декоратор, дизайнер реконструкции заведения, и у него он должен сегодня взять интервью. Пока он говорил, я использовала несколько простых жестов, предположив, что его филией вполне может оказаться Жертвоприношение. И решила дать ему шанс. Подцепила его на крючок, пока называла «цену за свои услуги». Тогда-то он и пригласил меня к себе домой.

И вот я здесь, в его спальне, и дверь его шкафа беззвучно

---

⁶ Взять (пассажира), снять в значении «соблазнить» (англ.).

открывается, а сам он, все еще спиной ко мне, продолжает говорить:

– Я лишь хочу сказать, что познакомился с тобой меньше часа назад... Свою жену я знал восемь лет – и только к концу этого срока решился заговорить с ней об этом...

– Жены никогда не знают своих мужей, в этом я твердо уверена, – заявила я.

– Не знаю...

Верхняя часть его кряжистого тела исчезла внутри шкафа. Моим глазам открылся ряд пиджаков на вешалках, что выстроились в линейку, словно гости на похоронах.

– Она была очень хорошей, это факт... Нет, правда, не могу сказать о ней ничего дурного. Очень хороший человек, но... она меня не понимала. А вот ты... ты, кажется, понимаешь, хотя я и не знаю почему...

– Ну спасибо. Может, и я вовсе не так хороша.

Он наклонился, чтобы поднять что-то с самого низа. С моего места по другую сторону кровати не было видно, что именно. Голос его из тесноты шкафа доносился глухо:

– Вы, телки, интересный народ... Стоит вас увидеть, и вот мы уже перестали быть самими собой. Мы годами можем работать или делать вид, что работаем... Годами скрываемся... а потом вдруг является одна из вас и... и все переворачивает. Вытаскивает нас наружу. Вытаскивает из нас *все*, что мы есть. – Он вынырнул из шкафа, как черепаха со дна пруда, выпрямился и повернулся ко мне. В его руках что-то бы-

ло. – Все. Сверху донизу. И вот ты делаешь то, чего *никогда в жизни* не думал делать...

Он положил эту вещь на безукоризненно заправленную постель, где она выглядела еще более нелепо. Это была коробка из-под мужской обуви фирмы «Бедфорд» – черного цвета, с логотипом в виде золотой шпаги сбоку. Хоакин положил на нее руки, словно это был Священный Грааль, и облизывал губы. А потом сказал:

– Как тебе это удастся – тебе лучше знать, но я случайно увидел, как ты шла по клубу, и подумал, будто... будто знаю тебя всю жизнь. И что полностью могу тебе доверять. Это всего лишь первое впечатление. Но потом, когда я заговорил с тобой, оно укрепилось.

Я так внимательно разглядывала коробку, что на мгновение перестала его слушать. Теперь же взглянула на него:

– Ты впервые обратил на меня внимание, когда я шла?

– Да, увидел тебя со спины. Кажется, ты направлялась в туалет. – Мужчина рассмеялся, обеими руками снимая крышку с коробки, словно выполняя некий ритуал. – Но мне даже не нужно было видеть твое лицо... Мне все стало ясно в тот самый момент.

Первоначальный зацеп при взгляде на меня со спины никак не вязался с тем, что мне было известно о филии Жертвоприношения. Это меня насторожило. Я отчаянно пыталась припомнить, как выглядел коридор, который вел к туалетным комнатам в «Орлеане»: где располагались светиль-

ники, был ли контраст между моей одеждой и фоном... А что там вообще было, что служило фоном? Дамская комната. Дверь была... открыта? Внутри она была белой? Горел ли там свет? Мой силуэт должен был резко выделяться на этом фоне. Белое, черное. Кожаные штаны наверняка отблескивали на ягодицах при ходьбе...

Пока я прокручивала все это в голове, мужчина достал из коробки первый нож.

– Они мои, – сказал он. – Я их коллекционирую.

Я кивнула, но мысли мои были заняты уже не тем, что он говорит: ослепительная белизна спальни, такая же, как в дамской комнате; голография женщины доминантного типа; смешная и такая домашняя обувная коробочка, хранящая его самый интимный секрет, вожделение его психомана... Все эти детали по отдельности были вполне допустимы для филии Жертвоприношения, но в совокупности характеризовали другой тип, совсем отличный...

– Испугалась? – спросил мужчина, ласково поглаживая нож.

– Да нет, с чего бы, все нормально. Это нормально, если ты платишь девушке за то, чтобы она с тобой переспала, а потом вытаскиваешь коробочку с ножами.

На его покрасневшем лице проступило что-то – смех? тошнота? – но он тут же посерьезнел, и глаза его вновь обрели моляще-рыбье выражение.

– Не пугайся, пожалуйста. Я всего лишь их собираю. В мо-

ей коллекции есть настоящие перлы, вот как этот. Вот смотри, это «Сомерсет» – с ручкой из палисандра, розового дерева, и лезвием из сплава молибдена и ванадия... Его имя – Красная Роза, каждый такой нож имеет индивидуальный номер... А вот этот называется Белой Розой, его ручка выполнена из натурального оленьего рога с инкрустацией из мрамора...

– Очень приятно познакомиться, – сказала я, но мужчина не засмеялся.

Его лицо приобрело гранатовый оттенок, на лбу выступили капли пота, пока он один за другим раскладывал на постели свои «перлы». В блеске стальных клинков отражался жестокий свет потолочных светильников.

– Я скажу, что ты должна сделать. И заплачу еще, если захочешь.

Он снова запустил руку в коробку, но на этот раз выудил оттуда не очередной нож, а моток тонкой веревки розового цвета.

Веревки любого типа были ожидаемы в случае филии Жертвоприношения, и, без сомнения, Наблюдатель тоже их использовал. Но субъект, стоявший передо мной, не был филиком Жертвоприношения, теперь я знала это точно. Я ошиблась с каталогизацией. Это случилось не в первый раз, да и ошибка была вполне предсказуемой: его филия очень походила на филию того, за кем я охотилась; однако я выругала себя за то, что подцепила его на крючок, не удостове-

рившись в точности диагноза.

– Я заплачу столько, сколько попросишь, – повторил мужчина. Крупные капли пота скатились по лбу, пока он доставал из коробки последний предмет – небольшую бобину с эластичной лентой. Вещи выглядели так, словно их не использовали долгое время. – Тебе всего лишь придется следовать моим инструкциям...

Где-то зазвонил телефон, и мы захлопали глазами, словно очнувшись от одного и того же сна. Телефон умолк.

– Я включил подавители. – Хоакин Рыбы Глаза растянул губы в улыбке. – Никто нас не побеспокоит, пока мы... Эй, ты куда?

Я воспользовалась паузой, чтобы перекинуть сумку через плечо и шагнуть к двери.

– Думаю, что... что это не мое, Хоакин, – ответила я, изображая беспокойство.

– Я ведь сказал, бояться тебе нечего... Это не то, о чем ты подумала. Дай мне все объяснить...

Заметив, что он напрягся, я решила немного подождать.

– Ну ладно, – сказала я, – но ничего не обещаю.

– Уверяю тебя, что в этом нет ничего плохого, *ничего плохого*.

– А я и не говорю, что проблема в этом.

– Если ты дашь возможность все тебе объяснить... Если позволишь мне... – У него пересохло во рту, и ему пришлось буквально отклеивать язык от нёба, чтобы продолжить: – Я

человек *хороший*. А это не есть что-то *плохое*. Ты сама сразу же поймешь...

Но я уже понимала все слишком хорошо. Акценты на словах «хороший» и «плохой» типичны для филиков Отвращения, которые получают наслаждение от резких контрастов: чистота и картины истязаний, обувные коробки и ножи... Женс соотносил их с образом Жанны д'Арк в трилогии «Генрих VI», одном из первых творений великого английского драматурга. Шекспировская Жанна была персонажем, построенным на контрастах: воительница и дева, шлюха и святая, ведьма и избавительница. Да и сам король Генрих был типичным представителем Отвращения. Разумеется, ничто из того, о чем говорил этот человек, не имело отношения к морали: за него изъяснялся его псином, пылающее желание, бьющее из глаз.

– Мне не нужно, чтобы ты раздевалась... Останешься так... в чем пришла...

– Хорошо.

– Потом... ты свяжешь меня этой веревкой... руки и ноги.

– Да.

– Затем возьмешь Красную Розу и... и будешь меня колоть... Я скажу тебе куда... Пожалуйста, не смейся...

– Да вовсе я и не смеюсь.

– Ты будешь колоть меня слегка... не слишком сильно, но достаточно, чтобы... мне было больно... – Голос его стал жестким. – Тебя это забавляет?

– Нет.

Я ни разу даже не улыбнулась. Женс сказал бы, что его комментарии адресованы другой части его филии Отвращения – смешной и карикатурной, той «обувной коробке» внутри его сознания, но он, естественно, адресовал их мне. Я же опасалась пробоя и отвела взгляд, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Ты сделаешь?.. Сделаешь это?.. Я так *давно* никого об этом не просил...

Я хотела только одного – уйти, не растравив его еще больше. Кем бы ни был Сеньор Чистюля, что бы ему ни нравилось, он точно не был объектом моей охоты. Я совершенно случайно подцепила его на крючок, показавшись со спины, а глубже он увяз, когда я продемонстрировала ему несколько жестов маски Жертвоприношения, которая обладала свойством привлекать приверженцев и других филий. Но особенно сильно подействовала на него скопированная мной поза его бывшей жены – его личной Жанны д’Арк, его ведьмы и святой, его пассивного и доминантного партнера. Теперь мне предстояло исправить собственную ошибку, не причинив ему вреда.

– Пожалуйста! – простонал он.

Не знаю, что еще можно было сделать, кроме как закрыть лавочку. «Погасить юпитеры и сойти со сцены», – как сказал бы Женс. Продолжать играть свою роль, чтобы его успокоить, оказалось невозможным. Моя черная одежда подбра-

сывала ему сочнееший контраст с белизной его спальни. А то, что я находилась так близко к истязаемым святым мученицам, дало ему возможность идентифицировать меня с палачом, что доставляло еще более сильное наслаждение. Мне подумалось, что его псином, должно быть, посылает ему такие импульсы, наслаждение такой силы, что его просто трясет, как в лихорадке. Но самым ужасным было не это.

Хуже всего было то, что он все еще держал в руках Красную Розу.

– Пожалуйста, Елена, или как там тебя зовут... Ты сказала мне... сказала, что, если я заплачу, ты сделаешь что угодно...

Я расслабила мускулы и мягко повела руками, поскольку напряженность и резкие движения подсаживают филика Отвращения еще больше. Направляясь к выходу, самым естественным тоном я выдала следующий текст:

– Мне очень жаль, но... но я думаю, что не хочу это делать. Очень сожалею, Хоакин.

– Назови свою цену. Только назови мне ее!

– Мне правда очень жаль. Всего хорошего.

Тут я поняла, что слишком рано повернулась к нему спиной. Моя спина особым образом его цепляет, а я забыла об этом. Его прерывистое дыхание приближалось.

– Послушай-ка, послушай, послушай... – Каждое «послушай» звучало все ближе ко мне и со все большей яростью. Он вцепился в рукав куртки, когда я была уже на последней

площадке лестницы, ведущей вниз. – Куда это ты собралась, а? Куда, а?

– Пусти! – Резким движением я освободилась, но он снова схватил меня за руку.

– Погоди... Погоди, черт возьми... Ты сказала, что сделаешь все, чего я захочу, так?

– Я сказала: отпусти меня! – Я попыталась сыграть на его уважении к доминантной женщине, но это было похоже на зыбучие пески: чем больше я дергалась, тем большее удовольствие он испытывал.

– Уже отпустил! – воскликнул он, разжимая пальцы. – А теперь – выслушай меня!

Я, не говоря ни слова, продолжила спускаться, пока меня не парализовал его визг:

– Стой, дьяволица! Ты сказала «все, чего я захочу»! Разве не так? Что случилось? Или снова скажешь, что это не твое? В чем дело? Я кажусь тебе ненормальным? Скажи! Думаешь, я сумасшедший?

Сбегая по лестнице, я оглянулась и посмотрела на него. Нет, сумасшедшим он, конечно, не был. Бедолага. Но его пробивало. Как-то так оказалось, что зацеп был сильнее, чем я ожидала, и при «закрытии занавеса» его стало пробивать. Пробой – это взрыв желания: ты так погружаешься в свой псином, будто пронзаешь буром землю, пока вдруг не забьет черной клейкой блевотиной нефтяной фонтан.

– Что это ты о себе вообразила, мерзкая шлюха? – во-

пил добряк Хоакин, так широко разевая рот, что тот казался больше его головы. – Каким дерьмом ты себя вообрази-ла? Всю жизнь я вынужден терпеть шлюх – таких, как ты! Сначала – да, потом – нет! Сначала – «иди ко мне», потом – «убирайся»! Терпеть не могу! Всех вас! С души воротит!

Говорить ему, чтобы он успокоился, да и просто вступать в контакт было бесполезно. Мое собственное напряжение и даже сбившееся из-за быстрой пробежки вниз по лестнице дыхание возвели бы его преждевременный пробой в куб. Можно было рассчитывать только на то, что он успокоится, когда я уберусь с глаз долой. Я стала его наваждением, его усладой: если я сойду со сцены, он, быть может, и остановится.

Я спустилась еще на четыре или пять ступеней, что мне оставались, и метнулась к входной двери. Та была закрыта на электронный замок, но я надеялась, что он без кода. Поискала пульт, чтобы набрать «Open»⁷, и в этот момент услышала за спиной голос и, кажется, ощутила на своем затылке чужое дыхание. Я обернулась.

– Что я для вас? Что я?.. *Чем я был всегда?*

Мужчина дрожал с головы до ног, его сотрясали рыдания. Но меня больше интересовало другое – я не отрывала глаз от пляски святого Витта этого самого сплава молибдена и ванадия, который рассыпал блики в его яростно жестикулирующей правой руке.

---

⁷ Открыто (англ.).

– Дай мне уйти, Хоакин, – спокойно сказала я.

Однако, пока звучали эти слова, я осознала, что вот так за- просто уйти мне уже не удастся. Хоакин-весталка, дева-стра- стотерпица, сотворит с собой нечто ужасное при помощи своей могущественной Красной Розы, если я покину его в таком состоянии. Может, и нет, но рисковать мне не хоте- лось. Он невинен. Вернее, он не был тем виновным, которо- го я искала.

– Скажи мне, кто я? – завывал он, подняв нож к своему лицу. – Ненормальный? А? А? *Я ненормальный, раз мне нра- вится, когда меня колют?* А? А? Я что – ненормальный?..

– Да, – сказала я. – Ты больной на всю голову.

Он на секунду затих.

И в этот миг я подняла правую руку и двинула ему в фи- зиономию. Ощущение такое, будто я ударила стену, но он не был первым мужиком, которому мне пришлось врезать. Он мгновенно рухнул, и Красная Роза, выпав из его руки, заскользила по беломраморному полу, словно острая смер- тоносная лыжа.

Я потеряла костяшки и согнулась над Мистером Мучени- ком, дабы проанализировать ситуацию: нос его с одной сто- роны уже начал распухать; это наводило на мысль, что он либо сломал его при падении, либо причиной стал мой удар. Но, по крайней мере, дышал он нормально, а сердце его би- лось. Кроме того, в таком состоянии он ни для кого не пред- ставлял опасности, а к тому времени, когда он очнется, про-

бой, скорей всего, уже закончится. В этой жизни невозможно получить все и сразу.

Я наклонилась за Красной Розой, а потом поднялась с ней на второй этаж. Собрала все ножи и другие предметы в обувную коробку и вернула ее в недра шкафа, где на глаза мне попались распечатанные фотки из Интернета с изображением связанных мужчин. Я распрощалась со святыми страсто-терпицами и, вернувшись в прихожую, прежде чем открыть дверь, остановилась над тюком в темно-оливковом пиджаке и джинсах, который, как заправский пьяница, храпел на полу перед входной дверью.

– Ты ненормальный, это точно, – громко сказала я, – но не больше, чем любой другой.

Отворила дверь и сошла со сцены.

Заявление он не подавал.

Я промолчала. Алварес продолжил:

– Он проснулся, пошел в травмпункт и сказал там, что ударился о дверь.

– Хорошо, что иногда еще попадаются дядьки, которые не брезгуют подобного рода объяснениями, – отозвалась я.

Алварес сделал нечто, на что, я считала, он не решится за весь наш разговор, – отвел взгляд от ветрового стекла машины и повернулся ко мне. До этого он ограничивался тем, что пристально наблюдал за яростными нападками утренней непогоды понедельника, швырявшей в стекло дробинки дождя. Естественно, движение Алвареса длилось долю секунды. Машина была припаркована рядом с парком Веронес, небольшим зеленым садом к северу от Мадрида, разбитым, без сомнения, с целью благоустройства местности возле новой станции метро. Салон «опеля» благоухал новой кожей с примесью запахов промокшей одежды и лосьона после бритья. Ощущалась и еще одна нотка – женских духов, из самых дорогих, и я подумала, что это, скорее всего, жена Алвареса, а не тайная любовница: он производил впечатление мужчины, моногамного по призванию.

– Я вовсе не хочу знать, по какой причине вы расквасили нос ложноположительному, Бланко, – произнес Алварес по-

сле паузы. – В своем отчете вы это, несомненно, изложили. Однако я знать об этом не желаю.

– Его пробило, когда в руках у него был охотничий нож. И перед уходом мне пришлось его вырубить.

– Я уже сказал, что не хочу ничего об этом знать.

– Но мне хотелось вам об этом сообщить.

– По крайней мере, он не написал заявление.

– Честно говоря, мне в высшей степени плевать на то, что сделал или не сделал этот хрен собачий... – выпалила я в ответ. – Прошу прощения за свои слова.

Алварес набрал в грудь побольше воздуха и медленно-медленно его выдохнул.

– Этот «хрен собачий» – гражданин, обладающий всеми конституционными правами. Если он написал бы в полицию заявление о девушке, разбившей ему нос, я в данный момент, скорее всего, уже имел бы на руках обращение из Управления внутренних дел, в котором были бы заданы вопросы относительно того, сколько времени Диана Бланко Бермудес работает у нас и нельзя ли аккуратно от нее избавиться, причем без всякой компенсации. Не следите за своими словами, Бланко, – следите за своими мыслями.

– Если хотите, дайте мне адрес его электронной почты, я отправлю ему извинения.

– Я не настроен шутить.

– Я напишу ему: «Жалею, что ошиблась в типе ненормальности. Вы всего лишь хотели, чтобы вас связали и ис-

кололи охотничьим ножом, а это, ясное дело, филия Отвращения, а не Жертвоприношения. Как же я лоханулась! Вы настоящий шкодливый козел, но, по крайней мере, никому не причиняете зла».

– Я же сказал, довольно, Бланко.

– А я вам сказала, что его пробило, так? И что у него был здоровенный нож – длиной с вашу руку. Что вы предпочтете? Ложноположительного с разбитым носом или его же, но с перерезанным горлом?

– Я ничего не предпочту, – заявил Алварес, неотрывно глядя на ветровое стекло. – И не говорите мне ни о «пробоях», ни о «выбросах», ни о «псиномах», ни о «масках»... Я ничего в этом не понимаю и не вижу причины, почему должен понимать. Мне известно лишь, что в пятницу невиновный человек получил травму. И к добру это или нет, но человек, который нанес ему эту травму, работает в моем подразделении.

Алварес никогда на меня не смотрел, а я на него – да. И к тому же не торопясь, в свое удовольствие, кроме всего прочего, еще и для того, чтобы заставить его понервничать. Лысина, неровная седина на висках, вечно раздраженное выражение лица – признак заболевания печени или желчевыводящих путей, венозная сеточка на крыльях носа, морщины мужчины, разменявшего шестой десяток, темный костюм за две тысячи евро, бирюзового цвета сорочка с галстуком в тон, аккуратно подстриженные ногти и обручальное кольцо

на пальце. Альберто Алварес Корреа, уполномоченный по связям Управления внутренних дел и Криминальной психологической службы. Человек, понять которого можно с первого взгляда, насквозь просматриваемый внутри своего же собственного путаного лабиринта. И возможно, именно по этой самой причине я нуждалась в нем сейчас больше, чем когда бы то ни было.

Смущенно поерзав на сиденье, он прибавил:

– Хотелось бы услышать ваши извинения. Я полагал, что вы попросили о встрече именно с этой целью. Разве не так?

Еще секунду я молча смотрела на него. И подумала, что случайный наблюдатель с улицы при всем старании не смог бы увидеть ничего, кроме резкого контраста: солидный и по возрасту, и по положению мужчина и девушка, с волос которой капает водичка, в промокших спортивных штанах, куртке и грязных кроссовках, бросающих вызов коврикам золотистого «опеля».

– А знаете, чего я на самом деле хочу? – зашипела я. – Желаете узнать?

– Валяйте.

– Я хочу заловить этого сукина сына. Но не просто поймать его, не только это. Меня распирает желание помочиться на его рожу, пока он будет истекать кровью. Я почувствовала бы себя, как девчонка в Диснейленде, если смогла бы увидеть, как он корчится от боли и умоляет, чтобы я его прикончила. Я представляю себе это, когда мне хочется отдох-

нать. Это здорово развлекает и расслабляет меня, как ничто другое в этом мире, – тай-цзи⁸ отдыхает.

– Минуточку, что-то не пойму, куда вы клоните... Вы намекаете, что никто, кроме вас, не имеет желания схватить Наблюдателя? Что я этого не хочу?

– Понятия не имею, чего хотите вы. Говорю лишь о том, чего хочу я.

– Все мы горим желанием поймать этого гада, Бланко.

– Но желания-то у нас разные. Нас, наживок, пятеро на весь Мадрид и его окрестности. Когда мы начинали, нас было пятнадцать, теперь – пять. Сокращение расходов бюджета – так это называют. Не считая того, что перфис⁹ не дают нам никакой новой информации ни об изменениях в его *modus operandi*¹⁰, ни о том, что его филия может, по слухам, оказаться вовсе не Жертвоприношением. Таковы «желания» тех людей, чьи интересы защищаете вы. Пять плохо информированных наживок на весь Мадрид с пригородами. У нас почти целый день уходит на обход «охотничьих угодий», и, естественно, в конце рабочего дня мы цепляем в основном

---

⁸ *Тай-цзи* – на Западе так часто сокращенно называют *тайцзицюань* – один из видов единоборств, упражняясь в котором человек достигает душевного равновесия, гармонии.

⁹ *Перфис* – профессионализм, сокр. от *исп.* *perfiladores* – профилировщики, или профайлеры, психологи Криминальной психологической службы, чьей обязанностью является составление психологического профиля (портрета) преступника.

¹⁰ Образ действия (*лат.*).

ложноположительных. А знаете, почему нет бюджета? Конечно, знаете, я думаю, но все же скажу. Потому что он убивает шлюх. И не просто убивает – он устраивает им на пару недель личный ад, а потом бросает их останки в чистом поле, как ошметки дерьма, прилипшего было к подошве. Женщины в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, да, но в основном это или иммигрантки, или проститутки. Гораздо лучше направить бюджет Криминальной психологической службы на защиту задниц тех, кому нравится колоть себя охотничьими ножами. Но, в конце концов, чему я удивляюсь? Мы, наживки, почти шлюхи и есть, разве не так говорят? Мы притворяемся, изображаем чувства, чтобы ублажать мерзавцев. Так что, сдастся мне, одним махом уменьшить число наживок и шлюх – это самое настоящее достижение для нового Мадрида ваших друзей, мэра и епископа. «Мадрид без наживок и проституток» станет слоганом следующей предвыборной кампании этих...

– Хватит уже, Бланко.

– Может, нам стоило бы публично поблагодарить Наблюдателя за его миссию – очистку города от отбросов? Как вам идея заказать мессу в Альмудене?¹¹

– Бланко!

Закончив, я ощущала себя именно так, как всегда, когда

---

¹¹ Кафедральный собор Мадрида, расположенный напротив Оружейной палаты Королевского дворца и посвященный покровительнице города – Богородице Альмудене. Полное название – Санта-Мария-ла-Реаль-де-ла-Альмудена.

говоря то, что чувствую, – заполненной. Не так, будто я что-то из себя извергла, а словно я устроила себе обалденный банкет, который на самом деле могу позволить себе лишь изредка. Алварес, напротив, сморщил нос с миной легкого отвращения, словно искренность была для него блюдом вульгарным.

– Если вы намеревались обсудить логистику данного дела, то могли бы опустить оскорбления. Ваша жалоба уже записана на жестком диске. Я поговорю с Падильей. А теперь...

– Я просила о встрече не для того, чтобы жаловаться на кого бы то ни было.

– Бога ради, скажите же мне, наконец, чего вы хотите, и покончим с этим! У меня через час совещание в министерстве.

Я еще мгновение смотрела на его профиль сквозь частокол из мокрых прядей, падавших со лба, потом вдохнула поглубже и одним махом выдала то, о чем размышляла почти двадцать четыре часа за весь этот ужасный последний уик-энд:

– Я хочу подать заявление об отставке.

Когда Алварес Корреа взглянул на меня в прошлый раз, я была обнаженной.

Случилось это два года назад, в апрельский денек, вскоре после похорон Женса. Я находилась на сцене одной из театральных студий нашего отдела, перед декорацией, имити-

ровавшей выложенную белой кафельной плиткой ванную, и постоянно двигалась с душевым шлангом в руке, в дидактических целях разыгрывая маску для филии Двойственности перед начинающими наживками. Алварес спустился в студию для срочного разговора с Падильей. И вышло так, что он, оказавшись как раз филиком Двойственности, едва увидев меня, оказался на крючке.

Сцены в театрах наживок похожи на площадки в телестудии: открытые декорации, юпитеры и даже видеокамеры – наши репетиции проходят на глазах у всех. Так сделано потому, что мы, наживки, очень опасны, и оказываться кому бы то ни было, даже тренеру, с нами в закрытой комнате считается нежелательным. По этой же причине спускаться в подвалы, где оборудованы сцены, запрещено всем, кроме сотрудников Криминальной психологической службы.

Однако в случае с Алваресом последствия оказались двойственными, как и его филия. Он был нашим уполномоченным по связям с Управлением внутренних дел, и теоретически никто не мог отказать ему в допуске в театр. Кроме того, невозможно отрицать, что ему и раньше приходилось посещать нашу театральную студию, и он знал о рисках разглядывания наживки на сцене во время представления. Так что речь идет о чистой случайности. Рыбаки порой вытаскивают жестянки или ботинки вместо рыбы, и нам, наживкам, случается подцепить кого-то на крючок, вовсе не имея такого намерения.

Филик Двойственности испытывает наслаждение при виде тела, которое движется на постоянно меняющемся фоне. Пауло Елазян, психолог из Бразилии, впервые описавший эту филию, просил своих наживок ходить из стороны в сторону перед декорацией с тремя различными задниками. Новые техники позволили наживке использовать как изменчивую декорацию и собственное тело. Из античной мифологии известен морской бог Протей, который умел по собственной воле изменять форму своего тела. Недаром одного из героев шекспировской пьесы «Два веронца» зовут именно так, и его постоянные превращения из друга в предателя, из любовника одной дамы в любовника другой, из хорошего парня в развратного насильника дают нам кое-какие символические ключи к этой маске. Женс заставлял нас разыгрывать сцены из этой пьесы в антураже ванной комнаты, где и тело, и вода помогали соткать своеобразный ковер из подвижных и постоянно меняющихся образов.

Подозреваю, что, пока Алварес спускался, он мельком взглянул на единственную освещенную сцену, где я, обнаженная, как раз изображала маску его филии, и в этот миг я сделала некое движение, которое и подцепило его на крючок. Просто беглый взгляд *в ту самую секунду*. Тебе может представиться возможность раз двадцать пройти перед мишенью безнаказанно, пока стрелок перезаряжает пистолет, но Алварес прошел именно в тот момент, когда я *стреляла*.

Конечно, я знала, кто он. Мы не раз пересекались в нашем

отделе, и за эти годы Алварес успел провести с нами кучу разного рода бесед и инструктажей, хотя наедине с ним я не оставалась ни разу. Но той секунды оказалось достаточно, чтобы наши с ним отношения раз и навсегда изменились самым решительным образом.

О том, что произошло, я догадалась сразу же – стоило только увидеть, как он вдруг застыл на нижней ступеньке лестницы. Я уже готова была прервать репетицию, чтобы не навредить ему еще больше, но тут, к счастью, появился Падилья и взял его под руку, выведя из состояния ступора. Но, конечно же, Алварес остался на крючке, потому, закончив работу и накинув халат, я попросила одного из тренеров представить меня ему. И постаралась снять его с крючка несколькими жестами, в которых начисто отсутствовала туманная двойственность, столь чарующая приверженцев его филии: я протянула ему руку, улыбнулась, мы перекинулись парой незначущих фраз.

Тем не менее после того случая Алварес ни разу на меня не посмотрел. Он быстро отводил взгляд, стоило нам случайно столкнуться где-нибудь в коридорах театра или в зале для совещаний. Я на него не обижалась: глава семейства, католик, отец троих детей. Работа вынуждала его контактировать с нами, но он ничего не понимал в мире псиномов, филий или в том, отчего Шекспир столь порочен и столь полезен. Он был одним из приверженцев Двойственности и использовал эту свою двойственность в ходе политических со-

вещаний, однако он здорово ошибался, полагая, что в частной жизни обладает прочными убеждениями.

Даже в тот дождливый понедельник, когда я заявила о своей отставке, он заколебался и замигал, но взгляда от ветрового стекла не отвел.

– Ваша... отставка? Но не вы ли только что говорили о том, что хотите поймать этого субъекта...

– Я только что говорила о том, что мне доставило бы удовольствие сделать это. Но заниматься этим дальше я не могу.

Алварес вздохнул и впервые за время нашей беседы смягчил тон:

– Сколько вам лет, Диана?

– Двадцать пять. – Я отметила и тот факт, что он впервые назвал меня по имени, а не по фамилии.

– А когда вы начали этим заниматься?

– В пятнадцать.

Алварес на мгновение задумался.

– В соответствии с нормативами этой профессии вы, конечно, уже ветеран. Многие наживки уходят на покой раньше. Но я читал ваше личное дело, и мне известно, что вас считают выдающимся сотрудником...

Самый подходящий момент поддакнуть. Но я выдержала паузу.

– Я не склонен преувеличивать ни достоинства, ни недостатки кого бы то ни было, я только констатирую то, что известно всем. Кроме того, я учитываю и то, что доктор Вик-

тор Женс занимался с вами лично, чем не может похвастаться большинство ваших коллег... И это заставляет меня думать, что лишиться вас будет... было бы... — Он фыркнул. — В конце концов, это влетит в копеечку нашему отделу, но в вашей профессии, больше чем в какой-либо другой, все зависит от личности сотрудника, от вас. Таким образом, если решение уже принято, никто не вправе вас отговаривать. О формальностях вы предупреждены?

— Да.

— Вы уже поставили в известность Падилью, полагаю.

— Нет, пока нет.

— Я... первый, кому вы сказали о своем решении?

— Да.

Повисла пауза. Я обхватила плечи руками, колени вместе, с одежды все еще капает. Я знала, что определенные жесты, да еще в насквозь промокшей одежде, могут оказаться для моего собеседника опасными, и старалась двигаться как можно меньше. Заставить меня прийти на эту встречу под дождем было, несомненно, еще одной мерой предосторожности: мне не удалось бы прийти с заранее подготовленным обликом. В тех случаях, когда администраторы отдела общались с наживками наедине, ни одна мера предосторожности не была излишней. Любая наживка, у которой возникало желание побеседовать с Алваресом, должна была набрать свой секретный код рядом с номером своего служебного мобильного; затем ей перезванивал оператор и назы-

вался еще один код. И никогда не сообщалось заранее, где именно пройдет встреча, а в назначенный день нужно было следовать инструкциям, которые в моем случае заключались в том, чтобы оставить машину в одном конце парка Веронес и пройти через весь парк до того места, где в другой машине будет ждать Алварес. Кроме этого, на доске приборов «опеля» была закреплена камера наблюдения, отслеживающая и записывающая каждый мой жест, каждую модуляцию голоса, и эти данные передавались на центральный квантовый компьютер и обрабатывались онлайн. Если бы совокупность данных показала признаки использования какой-нибудь маски, компьютер тотчас это вычислил бы и немедленно вмешались бы охранники, сидевшие в машине, припаркованной за автомобилем Алвареса. Нам, наживкам, даже дышать не давали свободно.

– Выслушайте меня, Диана, – произнес Алварес тоном человека, у которого не одна спина, а тридцать, и все тридцать он хочет прикрыть. – Возможно, я был с вами излишне резок, не следует придавать такого значения этому пятничному происшествию с ложноположительным... Такое случается и...

– Дело вовсе не в том, что было в пятницу. – Я постаралась быть максимально искренней. – Я уже давно об этом думаю. Когда объявился Наблюдатель, я установила для себя срок, потому что, клянусь, мне очень хотелось бы поймать этого козла за руку, прежде чем уйти, но теперь я вижу, что не по-

лучается. Я хочу жить нормальной жизнью, настолько нормальной, насколько администрация мне это позволит... – И я горько усмехнулась. – Знаю, что мне не дадут жить так, как мне хотелось бы, но, по крайней мере, больше не придется играть. – В голове пронеслась мысль, знает ли Алварес о том, что у меня есть и другой мотив для отставки, и я подумала, что, если он изучил мое личное дело, скрывать что-то бессмысленно. – Кроме того, мне нравится один человек... Мой коллега, Мигель Ларедо... Мы оба планируем выйти в отставку и жить вместе. – Я заметила, что Алварес слегка кивнул. – Но есть еще один вопрос – о моей сестре...

– Вопрос о сестре?

Меня поразило, насколько изменился его тон.

– Да, ее зовут Вера Бланко. Она всегда шла за мной, делала то же, что и я, и как раз сейчас она проходит подготовку в театре. Я хорошо знаю, что ей уже восемнадцать и она вольна делать все, что заблагорассудится, но я несу определенную ответственность за нее и... Ну, в общем, мне никогда не нравилось, что она хочет стать наживкой. И я подумала, что, может быть, она тоже оставит это дело, когда уйду я.

– Так. – Алварес задумчиво кивнул. – Понимаю вас, Диана, и желаю удачи.

Немного помолчав, я добавила:

– Спасибо за то, что выслушали меня. Мне хотелось, чтобы именно вы первым узнали об этом. Теперь я пойду в театр и буду говорить с Падильей, но сперва... Сперва мне хо-

телось бы сказать вам еще кое-что.

Я не стала затягивать паузу: глазок камеры настойчиво смотрел на меня, и «драматизировать» ситуацию было бы неосторожно. И не стала акцентировать свои слова:

– Тогда, в театральной студии, я зацепила вас по чистой случайности.

Он не шевельнулся и ничего не сказал. Продолжал смотреть прямо перед собой, пока я говорила, а в паузах лишь капли дождя барабанили по крыше автомобиля.

– Я на сцене как раз изображала вашу филию, а вы случайно взглянули. Не нужно придавать этому значения. Возможно, вы размышляли над тем, какие чувства у вас возникли, когда вы меня увидели, и, возможно, эти размышления приняли странное направление... Но беспокоиться не нужно. Виновата была лишь моя маска, не вы. Это как если по ошибке принять таблетку ЛСД вместо аспирина. Более того, эффект даже никак не связан с тем, что я была обнаженной, или с тем, что я – женщина. Наживка-мужчина точно так же подцепил бы вас на крючок, и вы нашли бы для того причины. Забудьте обо всем, это было лишь представление.

Алварес Корреа вздохнул и повернул голову. Его взгляд чуть помедлил, прежде чем встретиться с моим, но мне хотелось думать, что в этом усилии выражается благодарность, и я улыбнулась.

– Можно задать вам один вопрос? – поинтересовался он.

– Конечно.

– Почему вы хотели, чтобы именно я первым узнал о вашей отставке?

– Потому что... – Я подумала, не стоит ли слегка завуалировать ответ, но и тут решила сказать правду: – Потому что вы – один из моих шефов, но при этом не имеете прямого отношения к театру. Мне нужно было сказать об этом кому-нибудь вроде вас. Вы – единственный искренний человек, который рядом со мной, – прибавила я.

Я постаралась, чтобы эти слова прозвучали как комплимент, но, вылезая из машины, подумала, что Алварес – политик и очень может быть, что он, наоборот, обиделся, когда я приписала ему такое качество, как искренность.

Мы с Мигелем называли ее «комнатой правды». По одной такой было в каждой театральной студии, в том числе и в «Хранителях», куда я направилась после встречи с Алваресом.

– Думал о тебе все утро, – эти слова Мигель выдохнул мне прямо в губы.

– Обманщик.

– В «комнате правды» обманывать запрещено, сеньорита.

Мы оба улыбнулись. Еще раз поцеловались, он, обхватив мою промокшую куртку, прижал меня к груди. Руки у него были очень красивые, оставаясь при этом мужскими, – мягкие и в то же время властные. Мне нравилось ощущать их на своем теле.

Мы чуть отодвинулись друг от друга, ровно настолько, чтобы встретиться взглядами.

– Как все прошло? – шепнул Мигель.

– Хорошо. Без сюрпризов.

– И как он это воспринял?

– Думаю, что нормально. Алварес не очень-то разговорчив, сам знаешь.

– А тебе подходит такой тип мужчин.

– Поганец. – И я поцеловала его в губы.

Я не могла припомнить, кто первым дал название нашим

«комнатам правды». Думаю, это случилось, когда мы осознали, что в остальных помещениях наших театров мы практически всегда притворяемся. В кладовке «Хранителей» не было окон, и освещалась она голой лампочкой, одиноко свисающей с потолка. К тому же комнатка была крошечной: если бы я встала посередине и раскинула руки, то смогла бы дотронуться до металлических полок, выстроившихся вдоль стен. На них хранились наши театральные шмотки: бусы, браслеты, шляпы, наручные часы, очки, нижнее белье – как женское, так и мужское; даже огромные искусственные орхидеи и мелкие фиалки горой были навалены в коробку. Имелся и унитаз на полу – естественно, тоже бутафорский, и над ним потешались все кому не лень. Так что уже и шутки на эту тему приелись.

В любом случае, какой бы тесной и убогой ни была эта комнатуха, она служила нам убежищем – тем местом, где мы уединялись, чтобы поговорить о нас самих, спрятавшись от вездесущих камер слежения и техники. У нас с Мигелем было очень мало свободного времени, и в последние недели встречались мы только в театре.

– Ты ему рассказала о нас? – спросил он, отводя волосы с моего лба умелым жестом визажиста.

«О нас», произнесенное его голосом, звучало прекрасно. Я улыбнулась:

– Я сказала ему, что люблю одного своего коллегу. Обо всем остальном он и сам знает. Хотела сказать, что люблю

«одного парня», но раз уж речь идет о мужчине за сорок, с бородой и ранней сединой на висках, то я решила, что это будет чересчур...

– Тебе же нравятся ранние седины!

– Так и есть, папочка.

Мигель продолжал улыбаться самым обворожительным образом, но я уловила серьезность в выражении его лица. Я знала, что наша разница в возрасте слегка его огорчает.

– Всему хорошему нужно время – чтобы созреть, – заявил он.

Прежде чем ответить, я заглянула в его глаза:

– Да я просто прикалывалась. Ты – самый молодой мужчина из всех, кого я знаю.

– Поздно теперь спасать ситуацию, даже и не пытайся, детка. – И он коснулся пальцем кончика моего носа.

Я снова его поцеловала. Он был восхитителен.

– В любом случае, как только ты сообщишь о своем решении Падилье, об этом узнают все.

– Да, через пару часов мы станем знаменитостями.

– Телевизионщики объявят об этом в выпуске новостей...

– «Наживка испанской полиции покидает службу для совместного проживания с бывшим наживкой среднего возраста», – пустилась я импровизировать, подзуживая его.

– Нет, не так: «Известный профессор, специалист в области психологической подготовки и бывший наживка испанской полиции Мигель Ларедо решает связать свою судьбу с

никому не известной наживкой, находящейся на службе в испанской полиции».

– Слишком длинно...

– Ну, тогда... «Знаменитый и очаровательный тренер Мигель Ларедо женится».

– Но мы не собирались пожениться. – Я засмеялась.

– Другие заголовки в голову не приходят. А новостей без заголовков не бывает.

– В таком случае не будет и новости.

Мы молча смотрели друг на друга, и я воспользовалась моментом, чтобы погреться в лучах его улыбки.

Мигель был высоким – намного выше меня, а я далеко не коротышка – и к тому же находился в прекрасной форме. Борода на его щеках была такой короткой, что почувствовать ее можно было, только проведя по коже пальцем, зато просто снежной белизны – еще белее, чем густая взъерошенная шевелюра. И это почти всегда резко контрастировало с черным цветом его одежды – ему нравилось именно черное. Сегодня это была рубашка с воротником типа «Мао» и итальянские брюки, то и другое – черное, без нюансов. Однако смысл всему облику придавала улыбка, будто она была создана на радость всем. И его излюбленное выражение – «я могу так тебя развеселить, что ты лопнешь от смеха» – меня просто очаровывало. Когда я смотрю на него, у меня то и дело мелькает мысль: «Как же нам, женщинам, нравятся те мужчины, которые не перестали быть детьми».

Наши отношения начались только в этом году. А до того Мигель был для меня «профессором Ларедо» – живой легендой мира наживок всей Испании, и я была удивлена, как и все в округе, когда выяснилось, что знаменитый, привлекательный экс-наживка и тренер-психолог обратил на меня внимание. «И как только тебе это удалось?» – в шутку спросила моя сестра Вера, когда до нее дошла эта новость. Я изобразила важную мину, но самым честным ответом было бы: «Потому что я ничего для этого не делала». Произошло, и все тут. И стало реальностью. Если и было что-то действительно реальное в моей тогдашней жизни, так то, что мы любим друг друга.

– Ну ладно, и как ты себя чувствуешь в этот великий день? – произнес он наконец.

– Честно говоря, даже не знаю. Все произошло так быстро. Мне, наверное, еще нужно привыкнуть.

– Ясное дело, это как раз нормально.

– И мне по-прежнему не нравится бросать начатое дело.

– Тебя смогут заменить в тех охотах, которыми ты сейчас занята, я об этом уже говорил...

– Да, говорил.

– Но дело ведь не в этом, так?

Мотнув головой, я отбросила со лба еще влажные волосы.

– Ничего, пройдет.

– Дело в нем, в Наблюдателе, – сказал Мигель.

Я заколебалась, но так ничего и не сказала в ответ. На эту

тему мы говорили уже миллион раз, я обсудила это с миллионом подушек и задала вопрос миллиону зеркал. И все же – вот он, снова тут как тут, неотвязный. Наблюдатель. Имя, одно упоминание которого в моем присутствии выбрасывало мне в горло желчь, а все мое тело наполнялось отвращением, как будто по венам начинала циркулировать не кровь, а жидкое дерьмо.

«Да хватит уже. Ты ушла в отставку. Karut. The end»¹².

– В конце концов мы его поймаем, солнышко, будь уверена.

– Да знаю я... В конце концов мы всех их ловим. Но вся штука в том... Нет, не могу объяснить.

– Вся штука в том, что ты принимаешь это близко к сердцу и становишься как раз тем, чего больше всего желает предмет твоей охоты... и потом тебе очень трудно оставить это. Со мной было то же самое, когда я решил, что пришла пора закрыть лавочку.

– Да, так и есть, наверное, – нехотя согласилась я.

Мигелю, как практически всем мужчинам, доставляло удовольствие думать, что он очень хорошо знает свою вторую половинку, и я даже не сомневалась, что во многих случаях он мог бы назвать самые глубинные причины моих поступков. Однако все во мне восставало против такой скрупулезной экспертизы.

Но тут дверь распахнулась и на пороге возникла моло-

---

¹² Конец (нем., англ.).

денькая девчонка – невысокая, белокурая, глаза голубые, волосы собраны в короткий пушистый хвостик. На ней был белый халатик – обычная наша одежда в перерывах между репетициями, а на груди красовался красный бейджик. Но мне не потребовалось читать ее имя, чтобы узнать, что ее зовут Элиса Монастерио. Она была не одна – рядом стоял мальчик лет десяти-одиннадцати, невероятно красивый, одетый точно так же, как и она.

– Ой, простите, я думала, здесь никого нет, – сказала Элиса, краснея. – Хотела поискать каких-нибудь вещичек для него. Он – наш новый «Артур» и пока еще очень смущается. – И она взъерошила мальчишке волосы. – Я, наверное, помешала...

– Нет-нет, входи, – проговорил Мигель.

– Привет, Диана. – Элиса адресовала мне улыбку. Прядь волос закрыла ей один глаз.

– Привет, Элиса.

Элиса Монастерио делила с моей сестрой служебную квартиру-прикрытие и была ее лучшей подругой. Как всегда, стремясь узнать как можно больше обо всем, что касается сестры, я провела относительно нее небольшое расследование. В отделе Элису считали хорошей девушкой, однако с сильным желанием влезть повыше.

– Как поживаешь, Диана? – спросила она, снимая с полок коробки с реквизитом.

– Хорошо, спасибо. А ты?

– Работы много, а так хорошо.

Повисла тяжелая пауза. Я подумала: как же забавно то, что происходит с нами, наживками, – и Мигелю, и мне приходилось делать или позволять, чтобы с нами делали, такие невообразимые, на грани извращения, вещи. Даже обычный рассказ об этом лишил бы сна крестного отца наркомафии. И, несмотря на все это, мы стоим тут, словно завязавшие алкоголики на занятии групповой терапией, испытывая дурацкие муки из-за неловкой паузы.

– Мы сейчас, мы быстренько. – Элиса приобняла мальчишку и стала шарить в коробке. – Итак, нам нужны цветы...

На самом деле мальчика звали не Артуром. «Артурами» Женс называл несовершеннолетних мальчишек-наживок, используя имя юного персонажа одной из самых ранних шекспировских исторических хроник – «Король Иоанн». Артур – наследник престола, но король приказывает лишить его жизни, причем после того, как тому уже выжгли глаза каленым железом. Сцена этой пытки, как полагал Женс, содержит ключи к маске Невинности. И имя Артура приобрело популярность.

Глядя, как мальчишка встает на цыпочки, пытаюсь заглянуть внутрь коробки, я задавалась вопросом: из какого жизненного закоулка попал сюда этот «Артур»? Какое потрясение заставило его родителей – если они у него были, конечно, – избрать для сына такую судьбу? Потому что хотя стремление спасти жизни многих детей, рискуя жизнями некото-

рых, и может показаться приемлемым, однако мне не встречались родители, согласившиеся бы на такую сделку. Женс тем не менее рассматривал «Артуров» лишь как неотъемлемую часть списка действующих лиц. Его взгляд на эту проблему всегда был чисто театральным.

– Думаю, этого будет достаточно, – объявила Элиса, поднимая руку с искусственными цветами и парой резинок. – Еще раз прошу прощения. – Напоследок в воздухе растаяла ее смущенная улыбка.

– Я и не знала, что сегодня теоретические занятия, – сказала я, как только мы вновь остались наедине.

– Они не теоретические. Наши перфис разрабатывают новые техники для случая с Наблюдателем. Падилья торопит – хочет как можно скорей добиться результатов.

Услышав это, я остолбенела.

– Падилья что – собирается использовать для поимки этого монстра неопытных наживок?

– Нет-нет, – мгновенно отреагировал Мишель. – «Артур» занят в другом проекте...

– Я не имела в виду ребенка.

– Ну, Элиса-то вроде не относится к категории несовершеннолетних...

– Я говорю о неопытных, а не о несовершеннолетних, Мигель. Я знаю, что Элисе восемнадцать, как и Вере. Элиса – одна из ее подруг, самая близкая. Но сколько настоящих охот на ее счету? Две? Три? И кого ей удалось поймать? Специа-

листа по подделке кредиток? Ей не справиться с такой крупной дичью, как Наблюдатель!

– Солнце мое, эту тему я оставляю перфис. Моя работа состоит в...

– Единственное, что мне хотелось бы знать, – перебила я, – это почему никто не сказал мне, что параметры Наблюдателя настолько изменились, что стало возможно использовать людей без опыта.

– Они постоянно меняются, солнышко. Этот тип не похож ни на что, с чем мы сталкивались до сих пор... И потом, все держат в строгом секрете. Я сам только вчера вечером узнал, что должен сегодня натренировать Элису, чтобы ночью она вышла на точку...

– Боже мой!

– Падилья и Алварес просто помешались – ни о чем другом не думают, кроме как об этом животном.

– Я тоже, – ответила я.

– А вот здесь ты ошибаешься. – Мигель возвысил голос, но тут же вновь смягчил тон. – Я тебе уже сто раз говорил, что эта профессия никоим образом не связана с помешательством или эмоциями...

– Эта профессия – уже *не моя* профессия. И не разыгрывай со мной роль учителя.

Мы оба умолкли, и я пожалела о своей резкости.

– Извини, – сказала я.

– Ничего страшного.

– Я вовсе не хотела говорить с тобой таким тоном.

– Нет-нет, правда, все нормально. Дело в том, что у меня сложилось впечатление, будто... Ну, будто ты поторопилась оставить театр.

Он помолчал, потом прибавил:

– Я поговорю с Падильей – пусть оставит тебе только охоту на Наблюдателя... А когда мы его поймаем, ты сможешь отправиться в отставку.

Это неожиданное предложение еще больше раздосадовало меня.

– Но это же абсурд! Ты же больше всех настаивал на том, чтобы я все бросила. Начать все с нуля, какое-то время жить на твою зарплату... Разве не об этом шла речь?

– И сейчас идет об этом.

– Но?

– Но я не хочу, чтобы всю оставшуюся жизнь ты мучилась от этой глубоко засевшей занозы... Видно же, что ты все ходишь вокруг да около, хочешь поймать его сама... Ну так вперед! Мне это не очень нравится, но еще хуже будет, если ты уйдешь в отставку после случая с ложноположительным...

– Ложноположительный здесь совсем ни при чем. – Я стиснула зубы. – Я подала в отставку, потому что об этом меня просил ты. Или тебе не улыбается содержать меня?

Лицо его стало суровым. «Опять ты все испортила, Диана», – упрекнула я сама себя.

– Да, я не хочу содержать тебя, и меня обижает, что ты об этом говоришь, – ответил Мигель. – Да, я хочу, чтобы ты оставила работу, но, если бы у тебя была другая профессия, я об этом не просил бы.

Я знала, что он имеет в виду, и ничего не ответила. Однако мне вовсе не нравилось, что он так меня опекает. Его беспокойство обо мне можно было сравнить с прикосновением чего-то мягкого-премягкого к невероятно чувствительной зоне тела: одновременно и приятно, и раздражает.

– Знаешь что? – продолжил он. – Падилья недавно ездил к Клаудии Кабиљдо... Он рассказал мне о ее состоянии... – Мигель опустил голову, и мгновение я созерцала только его поседевшие волосы. – И я подумал, что... что ни за что на свете не хотел бы, чтобы ты превратилась в *это*, если тебе не повезет и ты переживешь нечто подобное... Я не хочу, чтобы ты продолжала, Диана. И теперь еще меньше, чем когда бы то ни было...

Клаудию Кабиљдо три года назад похитил один псих, известный как Ренар... Я тоже время от времени навещала ее и знала, что сотворил с ней этот Ренар. В тот момент мне не хотелось об этом вспоминать.

Я во время паузы глубоко вздохнула и смягчила тон:

– Я и не думаю продолжать, Мигель. Решение уже принято. Я же сказала, что оставлю работу, и я это сделаю. По-видимому, то, что со мной творится... Просто мне нужно больше времени, чтобы это принять.

– Звучит так, будто речь о разрыве отношений... – сыронизировал он.

Мгновение я обдумывала его слова. Мне не приходило в голову рассматривать свою отставку под таким углом зрения.

– Кажется, Виктор Женс как-то говорил, что покинуть того, кого ненавидишь, все равно что покинуть любимого, – сказала я в ответ. – И то и другое опустошает тебя.

– Виктор Женс был свиньей.

Я расхохоталась:

– А ты не слишком от него отстаешь! – Ну невозможно не любить человека, способного тебя рассмешить, когда тебе так плохо. – Думаю, что вполне смогу жить и не в качестве наживки, если ты мне поможешь.

Иногда у меня складывалось впечатление, что я героиня романтической драмы – наивной и пустой. И когда мы обнялись, это ощущение возникло вновь, и мне даже почудилось, что зазвучала какая-то мелодия. Я чувствовала себя любимой и полной сил, прижавшись к крепкой груди этого мужчины, словно его объятия были шелковистым мантио, но в то же время – глупой и слабой, словно что-то протестует против этой отдачи себя. Как собака, которая подставляет ласкам свой живот, но в любой момент готова укусить.

Когда мы разомкнули объятия, Мигеля, как мне показалось, одолела робость. Он делал вид, что разглядывает обложку кассеты с головидео, которую сам и положил на полку, когда мы вошли в «комнату правды», – запись выступле-

ния из Алтеи, одну из самых жестоких репрезентаций маски Невинности, которые когда-либо исполнялись, – с использованием наживок против их воли и под предводительством ФБР. Мне вспомнилось, как Женс добавлял: «Ее сделали в те времена, когда ФБР еще была серьезной институцией». И я, в который уже раз, спросила себя, не превратила ли новая работа в «серьезную институцию» и Мигеля. Он уже больше двух лет работал в новой должности, оставив карьеру наживки в том возрасте (сорок лет), когда большинство из нас, если выйти в отставку раньше не удалось, оказывались или уже на том свете, или «упавшими в колодец». Тем не менее казалось, что на Мигеле все пережитое не отражается.

Наконец он перестал разглядывать кассету с головидео и обернулся ко мне:

– Есть... кое-что еще, Диана. Падилья не хотел тебе говорить...

То, что я увидела в его глазах, заставило меня вздрогнуть. И он продолжил, сглотнув слюну:

– Это касается твоей сестры.

Свободно передвигаться по «Хранителям», как и по любому другому полицейскому театру, непросто. И не сказать чтобы наличествовала некая мудреная система слежения с вооруженными агентами и сложными электронными гаджетами, которые, если подумать, совершенно бесполезны, потому как самую продвинутую технологию можно одолеть с помощью другой, новейшей, а самые натренированные люди с легкостью могут быть скручены людьми более опытными. Здание само по себе также ничем особенным не отличается: загородная усадьба в полусотне километров к северо-востоку от Мадрида, двухэтажное каменное строение с подвалом. Когда идут репетиции, все вокруг забито машинами и даже грузовиками, паркующимися возле входа, а как только работа заканчивается, все разъезжаются и не остается ни следа от того, чем они тут занимались, кроме разве что вещей из «комнаты правды» и кое-каких разрозненных предметов мебели. Случайно попавший сюда человек подумал бы, что тут снимают кино. При въезде во двор обычный охранник вслед за церемонным приветствием попросит предъявить то или иное удостоверение – и все. Ни сторожевых собак, ни снайперов, ни колючей проволоки. И тем не менее, как и в известном рассказе Кортасара, плохо придется тому бедняге, который решит проникнуть в «захваченный дом» театра

во время постановки в исполнении наживок.

Несмотря на это, как только Мигель закончил говорить, я стиснула зубы и, не промолвив ни звука, повернулась и вышла из «комнаты правды», не обращая внимания ни на него, ни на мельтешение встретившихся на моем пути коллег и разного рода технических работников. Опустив глаза в пол, как мы обычно и передвигаемся по театру, ни на кого не глядя и ни с кем не разговаривая, я прошла через холл и, не дойдя до комнаты отдыха (большой гостиной, где стояли стол для игры в пинг-понг, несколько спортивных тренажеров и автомат с безалкогольными напитками), свернула к лестнице, ведущей к сценам в подвале. На доске при входе было написано название разыгрываемой в данный момент маски – «Оргия». «Звучит неплохо», – торопливо приписал какой-то шутник внизу. Филия Оргии не являлась моей, но некоторые жесты из соответствующей маски могли вывести меня из нормального состояния, так что я была благодарна за предупреждение. Я толкнула дверь и вошла в темноту.

Там было четыре освещенные сцены, на каждой – по двое или трое наживок. Одну сцену занимали несовершеннолетние, на остальных трех я увидела юных, но уже взрослых. На всех четырех репетировали Оргию, и атмосфера стояла тяжелая, почти вязкая. Слышалось тяжелое дыхание и реплики из шекспировских пьес, перемежаемые скупыми указаниями постановщиков. Я продвигалась все дальше, обходя в полумраке чьи-то фигуры, пока не оказалась возле последней

сцены в зале.

На ней была моя сестра. Декорациями служили несколько деревянных кубов, освещенных юпитерами, и Вера каталась по полу возле них. Пока я наблюдала эту сцену, к ней присоединилась Элиса Монастерио. Обе были обнажены, их тела сплетались в какой-то странной хореографии недоступных ласк, словно что-то мешало им коснуться друг друга. Элиса делала это очень ловко, профессионально, а вот Вера, как с сожалением я отметила, ошибалась, причем именно потому, что слишком *старалась* проделать все максимально хорошо. Подключала волю, что и было обычной ошибкой новичка. Она еще не знала, что работа наживки заключается не столько в том, чтобы обмануть другого, сколько в том, чтобы обмануться самому. Наша главная сила зиждется на том, что мы не осознаем, какой силой обладаем. Элиса тоже была новенькой, но у меня и тени сомнения не было, что она станет очень ценной наживкой. А вот Вера – еще совсем зеленая. Когда настал момент разыграть сцену маски – диалог между Анной и Глостером из «Ричарда III», – Элиса делала это с удивительной простотой:

– «Пусть ночь затмит твой день, день сгубит жизнь...»

Вера ответила ей репликой:

– «Не проклинай себя, ведь ты мне – все...»¹³

---

¹³ Реплики леди Анны и герцога Глостера из 2-й сцены I акта «Ричарда III» (пер. М. Лозинского); вторая реплика ближе к оригиналу звучит так: «Не проклинай себя, прекрасное создание, ведь ты – обе эти вещи сразу...»

Репетиция была безобидным упражнением, основанным на разработках группы ФОКС. В нормальном состоянии она меня никоим образом не затронула бы, но теперь, глядя на них, я почувствовала себя как после бокала крепкого ликера. И подумала о том, что раньше никогда не приходило мне в голову: маска Оргии требовала, чтобы наживка была *отвергнута* сознанием объекта охоты, как раз для того, чтобы зацепка сработала, точно так же, как персонаж леди Анны позволил соблазнить себя безобразному Глостеру, несмотря на испытываемое к нему отвращение. Тот факт, что одна из участниц сцены была моей сестрой, без сомнения, провоцировал во мне это отторжение и тем самым растущее *желание* моего психиатра с еще большей легкостью. Я решила остановить их. Мне вовсе не хотелось подвергнуться риску оказаться на крючке у собственной сестренки.

Несколько лиц обернулось ко мне, когда я вмешалась. Тренер-постановщик – мускулистый лысый тип с сильным немецким акцентом – скорчил недовольную мину, но разрешил «срочно» поговорить с Верой. Мы пошли в гримерку, и мне совсем не понравилось, что Элиса направилась вслед за нами, словно представляла собой неотделимую от Веры вторую ее половину или же горела желанием защитить ее от моего тлетворного влияния.

Гримеркой служила узкая комнатка, уставленная черными стеллажами, с классическим зеркалом, подсвеченным лампочками, и комодом. Там висели два халатика, но ни од-

на из девушек не накинула его. Элиса, похоже, чтобы хоть как-то оправдать свое присутствие, начала натягивать чулки в сеточку. Вера же достала из ящика комода блестящий шелковый шарф и развернула его. Обе обменивались заго-ворщицкими улыбками, как старшеклассницы.

– Эли сказала, что видела тебя в театре, с Мигелем. – Вера выглядела очень довольной. – Тебе понравилось наше «пред-ставление»?

– Мы с тобой можем поговорить наедине – только ты и я? – без всяких экивоков задала я вопрос.

– О, так это нечто секретное? – Вера играла с шарфом, то накидывая его на грудь, то снимая. – Разговор тет-а-тет между сестричками?

Я понимала, что она пытается меня спровоцировать, но не поддалась.

– Все равно, – произнесла Элиса, с кошачьей грацией том-но поглаживая абажур стоящего возле стены торшера, – я уже ухожу.

Она приложила к губам указательный палец, поцеловала его, а затем провела им по губам Веры. И, проходя мимо, адресовала мне лукавую улыбку. Я ответила ей тем же. Я на нее не сердилась, впрочем, и на Веру тоже. Обе были слиш-ком юны, и им слишком нравилось быть наживками, как и всем нам. Я тоже прошла через этот этап и хорошо знала ощущение всевластия, когда можно добиться всего, чего бы ни захотела, лишь соответствующим образом двигаясь или

произнося слова. Та самая иллюзия, что ты целиком и полностью хозяин и собственной судьбы, и судеб тех, кто тебя окружает, – как думает злокозненный Ричард III в трагедии Шекспира.

Когда мы остались вдвоем, поведение Веры резко изменилось: заметным стало явное раздражение. Она обмотала шарфик вокруг шеи и повернулась ко мне спиной, чтобы взять халатик.

– Поторопись, сестренка, – заявила она, – мне нужно возвращаться на репетицию.

Секунду я молча разглядывала ее. Меня почти растрогала ее юность, ее упругая гладкая кожа. Вера была ниже меня ростом, но с очень хорошей фигурой. Волосы ее, в отличие от моих русых, которые я стригла до плеч, были очень длинными, темно-каштановыми, почти черными, а сейчас влага от принятого недавно душа делала их еще темнее. Со спины она казалась более взрослой, потому что еще не сформировавшаяся грудь и сияние улыбки выдавали наивность, но о ее физической натренированности говорили мускулы. Смотреть на нее – одно удовольствие. Я ее очень любила, всеми силами души. Она моя сестра, единственное, что осталось у меня на этом свете. Мы жили вместе до тех пор, пока она не достигла возраста, в котором я сама уже стала наживкой, – пятнадцати лет, но я решила никогда не оставлять ее. И оберегать.

– Ты уже догадалась, чего я хочу, – объявила я.

Она сняла халат с вешалки, но не надела. И когда повернулась ко мне, лицо было наполовину скрыто волосами.

– Так, значит, ты уже обо всем знаешь. Добряк Мигель не смог удержать язык за зубами...

– И вот теперь, когда мне все известно, я пришла сказать тебе, что ты не можешь на это пойти.

– К вашему сведению: Вере уже восемнадцать, а в следующем месяце исполнится девятнадцать, – объявила она в ответ, особенно подчеркивая числительные. – Дай мне жить своей жизнью.

– Это именно то, чего я хочу всем сердцем, – чтобы ты жила. Поэтому ты не будешь принимать участия в охоте на Наблюдателя. Я собиралась сказать тебе только это. Увидимся позже.

Ее слова, процеженные сквозь зубы, заставили меня остановиться, когда я уже повернулась, чтобы уйти:

– Иди ты в жопу, сестренка!

– Я иду беседовать с Падильей, что более или менее то же самое.

– У тебя нет никакого права диктовать мне, что я должна или не должна делать!

– Я как раз тот человек, который имеет полнейшее право – самое полное в мире – говорить тебе, что ты должна делать! И к тому же я знаю, что стоит на кону.

– Я тоже знаю, что стоит на кону!

– Ты об этом никакого чертова понятия не имеешь. На-

блюдатель – очень крупная дичь и очень серьезная охота.

– И что с того?

– То, что ты просто к этому не готова.

– А Падиля полагает, что да, готова!

Ее напускное самообладание мало-помалу съезживалось. Этого я и добивалась – вывести ее из себя, чтобы впала в истерику, чтобы показать ей, какой она на самом деле еще ребенок.

– Не кричи, пожалуйста. Единственное, что интересует Падилю, – возможность продемонстрировать в конце месяца, что он не зря получает зарплату, и сократить расходы. Они уже урезали бюджет, предназначенный для наживок с опытом, и теперь используют студентов. Ну и пусть, это его дело. Но ты в этой команде играть не будешь.

– Ну и как ты этого добьешься, Диана?

На ее лице появилась гримаса, от которой у меня сжалось сердце, – так она напомнила мне лицо мамы, когда та сердилась.

– Ты что, переспишь с ним, чтобы он вышвырнул меня? Покажешь ему Оргию, как делала это для Женса в поместье?

На ее выпад мне было плевать. Я знала, что Вера просто завидует тому, что меня учил сам Женс.

– Падиля сделает то, что я скажу.

Этот простой ответ ее отрезвил. Лицо Веры стало похоже на подернутую льдом поверхность озера, по которой я стукнула каблуком. Мне стало жаль ее, я заметила, что тон ее

смягчился, и она попыталась надавить другие пружины:

– Слушай, я много репетировала и знаю, что смогу это сделать... Элиса видела меня, и она тоже так думает. На эту ночь выбрали как раз ее. Мы вместе репетировали...

Я подумала, не сказать ли ей, что Элиса Монастирию также не годится для такой работы, что использовать ее при ловле Наблюдателя – это все равно как послать к краю пропасти с завязанными глазами, но решила-таки дать сестре передышку. Вере довольно трудно было просить меня: ее собственная филия – Прощение и у нее не очень-то получалось умолять. Мне всегда думалось, что Вера, если ей улыбнется удача, прилепится к какому-нибудь мужчине (или женщине: я была в курсе того, что они с Элисой – нечто большее, чем просто подруги), на которого будет смотреть, как смотрит сейчас на меня, помыкая им, как прислугой.

– Я прошу тебя всего лишь дать мне шанс, Диана. Поверь в меня, пожалуйста. Всю жизнь ты смотришь на меня как на маленькую девочку, которая к работе относится словно к развлечению... Ты, я знаю, поступаешь так вовсе не со зла, а, наоборот, из лучших побуждений... Твоя цель – заботиться обо мне, защищать меня, и я тебе признательна. Но я уже не маленькая девочка, – продолжила она со всей серьезностью, на которую была способна, и отвела руку с халатом, который все еще держала, – возможно, желая продемонстрировать, какая она уже женщина. – Эта работа – моя жизнь. Со мной – то же, что и с тобой... Ты ведь все отдала работе, разве

не так?.. Делала такое... такие ужасные вещи... ради папы и мамы, правда? В память о них... Ты лучшая наживка в мире – и никогда этого дела не бросишь... Вот и не проси, чтобы его бросала я.

Настал момент, которого я ждала. Заговорив, я не изменила выражения лица:

– Я бросаю это, Вера.

Она взглянула на меня так, словно я стала призраком:

– Что?

– Я пришла сегодня в театр, чтобы подать Падилье заявление об отставке. И я уже говорила об этом с Алваресом...

– Ты что... ты это серьезно?

– Абсолютно.

– И когда ты успела принять решение? – Она произнесла это таким тоном, словно речь шла о чем-то невообразимо жутком.

– Да я уже несколько месяцев об этом думала. Но окончательно решила в эти выходные.

– Но я... ничего не знала...

– А я и не хотела, чтобы ты узнала, пока это не станет общеизвестным. А вот теперь ты все знаешь.

Кроме Веры и Падильи, я собиралась рассказать о своем решении еще двоим. Одной из двух должна была стать Клаудия Кабиљдо.

А еще я сообщу об этом сеньору Пиплзу, но по телефону. Встретаться с сеньором Пиплзом ни за что не буду даже и по

такому поводу. От одной мысли о возможности увидаться с ним меня с ног до головы пробирала дрожь и по спине бежал холодок. Я скажу ему об этом по телефону. Просто краткое телефонное сообщение.

Вера, ошеломленная, трясла головой:

– Но... почему? Что случилось?

Я пожала плечами:

– Просто хочу жить нормальной жизнью, вместе с Мигелем. Полагаю, у меня есть такое право, а?

– И ты бросишь охоту на Наблюдателя? – Это говорилось с такой интонацией, будто она спрашивала, не собираюсь ли я оставить любимого человека. – Ты позволишь ему продолжать делать то, что он делает? Какого... какого хрена с тобой происходит?

– Попридержи язык, – окоротила я ее. – А вместо ответа скажу тебе вот что: я устала жить одной лишь ненавистью. Теперь хочу узнать, что чувствуешь, когда кого-то любишь. Так, для разнообразия. И на самом деле хочу, чтобы ты сделала то же самое, Вера. В жизни есть еще много всего, с чем тебе следовало бы познакомиться. Кинорежиссер – вот что было твоей мечтой, помнишь? Почему бы тебе не попробовать себя в этом? Я смогу помочь, у меня есть деньги...

– Да не нужны мне твои *вонючие* деньги, – сказала она, медленно натягивая халатик.

В висящем за ее спиной зеркале я видела, как ее руки высвобождают из-под халата длинную гриву волос.

– Вера, – шепнула я, – мы могли бы попытаться жить нормальной жизнью... мы обе.

Раздался негромкий стук, и дверь открылась. Я стояла так близко от входа, что дверь чуть было не ударила мне в спину. В гримерку просунула остренькое личико Элиса Монастирио:

– Извините. Вы еще долго? Херманн говорит, что мы должны работать, Вера.

Мы хором сказали «сейчас-сейчас», и девушка посмотрела на нас с явным подозрением и, на мой взгляд, с некоторым вызовом. Я прекрасно знала, что Вера даже в туалет не пойдет, не сообщив предварительно «Эли», и эта близость в их отношениях выводила меня из себя. Тем не менее, когда дверь закрылась, сестренка казалась чуть более спокойной.

– Давай сделаем вот что, – сказала она. – Дай мне возможность продолжать заниматься Наблюдателем. А как только он будет схвачен, я, клянусь, всерьез подумаю о том, чтобы все это оставить.

Мне пришлось мобилизовать последние резервы терпения.

– Вера, Наблюдатель – самое опасное дело из всех, которые были у нас за долгое время. Перфис до сих пор не могут его раскусить...

– Со мной ничего не случится, сама знаешь. Он никогда не клонет на такую неопытную, как я. Ты же именно об этом и говоришь: Падилья использует нас только для прикрытия,

чтобы оправдать свою зарплату. Наблюдатель клюнет на одну из вас... – Она запнулась. – Или на одну из твоих коллег, если ты уходишь... Единственное, чего я хочу, – это участвовать. Сама прекрасно знаешь, что я никогда не смогу его зацепить! – Она выглядела обиженной, будто жаловалась на то, что киноактер-красавчик не замечает ее в толпе фанаток.

Но она, конечно же, ошибалась. Наблюдатель – это голодный волк среди ягнят. Он может схватить любого. Момент – и будет сожрана еще одна.

– Об одном только прошу, – продолжала настаивать Вера. – Я ведь целых четыре года готовилась стать наживкой...

– А я никогда не хотела, чтобы ты ею становилась. Но тебе всегда нужно было делать именно то, что делаю я.

– Но я уже *стала* наживкой, и теперь от этого никуда не деться. Дай мне попробовать себя в деле, Диана, ну пожалуйста...

«Наркотик». Так квалифицировал это Женс, заправлявший этой ужасной работой. «Когда почувствуешь извращенное наслаждение от того, что стал отравой для ненавистного тебе человека, то уже не сможешь от этого отказаться». У Веры наркотик уже светился в глазах. И я поняла, что она никогда не откажется от этого дела.

Мгновение я молча смотрела на сестру: вот ее восемнадцать лет, сдерживаемые в маленьком точеном теле пламенной волей, и она так же жаждет справедливости, как в ее годы жаждала ее я. Разве смогут остановить ее мои слова?

– Ладно. Но как только его схватят, ты серьезно подумаешь о том, чтобы все это оставить, – сказала я Вере.

– Конечно же! – Ее лицо осветилось радостью. – Клянусь!

Вдруг она кинулась ко мне. И я ощутила юность, пульсирующую на моем плече, пока губы ее без устали твердили «спасибо»; она так крепко сжала меня в объятиях, что едва не задушила. Вот какой эмоциональной, какой страстной была моя Вера!

– А знаешь что? Иногда мне кажется, что я делаю это не ради папы и мамы, а ради себя самой... Чтобы чувствовать себя по-настоящему хорошо.

Конечно, она была права. В действительности мы никогда не жертвуем собой. Мы делаем именно то, что хотим делать, то, чего всегда хотели. Нас и выбирали ровно потому, что удовольствие мы получали, разрушая тех, кто разрушал других, и полностью, без остатка отдавались этому делу. Мы – начиненные мстью бомбы, и рядом с воплощенной жестокостью нам ничего не стоит взорваться.

Я отвела с лица пряди волос и улыбнулась:

– Прекрасно. Поговорю с Падильей о своей отставке, но тебя упоминать не буду.

– А если он сам заговорит обо мне? – робко поинтересовалась она.

– Скажу, что ты вольна поступать, как захочешь. Ты же совершеннолетняя, правда? А теперь тебе надо вернуться на сцену. Позже поговорим.

Со взволнованной улыбкой она сопровождала меня до дверей гримерки, как телохранитель какой-нибудь. На первых трех подмостках продолжали разыгрывать ту же сцену из «Ричарда III»: мужчины с мужчинами, мужчины с женщинами, дети друг с другом. На последней сцене Элиса Мо-настерио ждала, пока вернется моя сестра. Она бросила на меня уничтожающий взгляд. Я не стала обращать внимания: мы друг другу не нравились, но меня это не волновало. До-ждавшись, пока Вера поднимется на сцену, я подошла к Оль-ге Кампос, координатору репетиций, которая наблюдала за происходящим, попивая травяной чаек.

– Ольга, прошу прощения за беспокойство, но мне нужно увидеть Падилью. Ты всегда знаешь, где он. Не могла бы ты его позвать?

Ольга тоже когда-то – до повышения, вознесшего ее на эту должность (произошедшего, как болтали злые языки, благо-даря ее романтической связи с Падильей), – была наживкой, причем довольно хорошей. На ней был черный халатик – та-кой же густо-черный, как и ее кудри, и в полутьме подваль-ного помещения лицо ее казалось висящим в темноте, слов-но пара к бумажному стаканчику. Она вскинула черные бро-ви, едва взглянув на меня поверх своего напитка:

– Это срочно, Диана? Я до чертиков занята...

– Очень срочно. Хочу просить его, чтобы он вышвырнул мою сестру из отдела, причем немедленно. Без выходного пособия. Хочу всего лишь, чтобы он ее отставил.

Наконец-то я добились своего: она обратила на меня внимание. Отодвинув от губ стаканчик, она нагло на меня уставилась. Ольга была несколько грубовата: зубы ее были такими же мощными, как и слова. Она ощущала себя королевой в этом мире новичков.

– Эй, ты чего – обкурилась? – И расхохоталась. – Или вообразила, что Падилья станет тебя, идиотку, слушать?

– Если он этого не сделает или сделает недостаточно быстро, может случиться, что я поговорю со СМИ. Они будут просто счастливы меня выслушать, уверяю тебя. Я им расскажу о театрах, о подвалах вроде этого, где в интересах правительства натаскивают детей, где тренируются парни и девушки, готовясь вводить сумасшедших в соблазн, а также поведаю обо всех и каждой из операций, в которых участвовала лично. Может, и фотографии им предоставлю. Им очень понравится.

Не думаю, что меня кто-то еще слышал. Жесты и реплики на сценах не прерывались ни на секунду. Что касается Ольги, то она продолжала сверкать своими лошадиными зубами. Я знала, что она мне не верит: доносительство просто не укладывалось в логику нашей профессии. Но я надеялась, что по крайней мере мои угрозы ее подстегнут. Она ткнула в меня пальцем:

– То, что ты сказала, даже не смешно, дрянь ты эдакая. О'кей, я позабочусь, чтобы Падилья как следует надрал тебе задницу. Работу ты потеряешь.

– Я ее уже потеряла, – ответила я. – Твое дело – позвать Падилью и ни во что не вмешиваться.

Я отошла в сторонку. Вера и Элиса снова остановились передохнуть и теперь слушали рекомендации своего постановщика, но Элиса не преминула-таки воспользоваться моментом и еще раз стрельнуть в меня глазами – дерзко, вызывающе, словно догадываясь о моих намерениях.

Элиса Монастерио Диану не любила.

Она думала об этом, пока шагала по тихим улочкам, обхватив себя руками – не потому, что на улице было очень холодно, и не по причине своего чересчур легкого облачения, а следуя канону той маски, которую исполняла. «Воображала и зазнайка. Безмозглая зазнайка, живущая на проценты. И вот теперь, когда сама вышла на пенсию, она, видите ли, не желает, чтобы сестра догнала ее, доросла до того же уровня».

В глубине души Элиса знала, что суждения ее не вполне справедливы. Легко можно поверить, что Диана желает лишь защитить сестру. Элиса и сама бросилась бы на ее защиту, если бы представился случай. Верно и то, что Вера – новичок, ее все еще шокирует экстравагантность их работы и в большей, чем это допустимо, степени пугают некоторые упражнения. Но разве это достаточная причина для того, чтобы закрыть перед носом Веры дверь в профессию?

Элиса с легкостью могла бы признать, что ревнует: слишком уж высок престол, на который Вера поместила Диану. По мнению Веры, на всем белом свете не было никого, способного сравняться по значимости со старшей сестрой. Три дня назад они вышли из «Хранителей» после репетиций и разговора с Падильей, Вера склонила голову на плечо Элисы и зарыдала; имя сестры ей даже не пришлось упоминать.

– Он сказал, что мне нужно еще поработать над стилем...

– Над стилем?..

– Он собирается держать меня в резерве... А возможно, я вообще не смогу быть наживкой...

Не веря своим ушам и приходя в ярость, Элиса заключила Веру в объятия, тихонько целуя ее волосы.

– Значит, твоя сестрица в конце концов смогла на них надавить, – процедила она сквозь зубы.

Но это было ошибкой – Вера тут же рассердилась:

– Нет-нет, Диана не имеет к этому никакого отношения.

Падилья принял это решение только сегодня утром...

– Какое совпадение! Как раз в тот день, когда Диана пришла в театр поговорить с Мигелем.

– Элиса! – Взгляд Веры, обращенный на нее (Элиса это запомнила), выражал нечто среднее между мольбой и агрессией. – Моя сестра изменила мнение, я же рассказывала. Она обещала, что ничего ему обо мне не скажет.

«А если уж Диана что-то пообещала, так это незыблемо», – думала в раздражении Элиса, вспоминая бедную Веру, пластом лежавшую на кровати в их маленькой квартирке-прикрытии в районе Леганес и безутешно рыдавшую. Все ее будущее меньше чем за минуту оказалось скомкано и выброшено в корзину. А все почему? Падилья был, конечно, тот еще сукин сын, и нрав его не на шутку испортился, когда его дочка стала инвалидом, – Элиса хорошо это знала. Но так же хорошо знала она и другое: он как директор отдела

никогда не изменил бы свое мнение о Вере, если бы Великая Сестрица не влезла в это дело. Элиса была уверена, что именно всемогущая и влиятельная Диана Бланко, одна из лучших наживок испанской полиции, несет ответственность за принятое Падильей решение.

Она могла бы простить Диане, что той достается все Верино восхищение, но никогда не простит ей и малейшего вреда, причиненного подруге. «Какой бы сестрой ты ей ни была, какой бы великой Дианой Бланко ты ни была, на это у тебя нет никакого права». Девушка обожала подругу и в какой-то степени чувствовала за нее ответственность. И если Диана претендовала на роль матери, которой у Веры практически не было, в таком случае сама Элиса принимает на себя роль настоящей старшей сестры. Сестры, чьи отношения с Верой приобрели такую степень близости, о которой Диана не может и мечтать.

На секунду девушка остановилась – после того как чуть было не потеряла равновесие, попав ногой в выбоину на тротуаре. На ногах у нее были жуткие фиолетовые туфли на толстенной платформе, известные в «Хранителях» как «котурны», – сейчас уже здорово выпачканные. Мелкий дождик, неустанно сеявшийся всю ночь, усилился, и она слышала, как капли шлепают по ее волосам, заплетенным в тугую замысловатую косу. Задница у нее окончательно замерзла, что неудивительно: ягодичы были совершенно голыми, выпирающими из двух круглых отверстий ее пурпурных ле-

гинсов. Вещь эта – в высшей степени секси: обволакивает ноги, как испарина. Но после трех ночей, проведенных в них, Элиса уже привыкла. Весь ее костюм был тщательно продуманным маскарадом, имеющим целью привлечь к себе внимание приверженца Жертвоприношения. В любом случае, несмотря на странные ощущения от костюма и определенные неудобства, связанные с холодом и слишком тесной одеждой, ей нравилось разгуливать в таком виде. Кроме того, она находилась под действием наркотиков. Не то чтобы это было позарез необходимо, тем более не после трех одинаковых ночей, но ведь никогда не лишне принять одно из тех снадобий, которые слегка затуманивают мозги – как раз настолько, чтобы не заснуть. «Призаприм», «Диалдрен» – любое сгодится. Наркота заставляла иногда замедлять шаг и расставлять ноги, чтобы не упасть, но в то же время расслабляла, что помогало не сломаться маске.

Потому что на самом-то деле Элиса нервничала. Трудно оставаться спокойной, имея дело с таким типом, как Наблюдатель, который бродит где-то поблизости.

Девушка задавалась вопросом: используют ли наркотики «профессионалы», такие как Диана Бланко? Да какого черта, конечно же должны использовать! Ведь есть и такие маски, когда необходимо быть слегка приторможенной, даже не слегка, а настолько, чтобы лошадь неслась вскачь сама по себе, без вмешательства всадника-сознания. И сама Элиса принимает наркоту вовсе не потому, что опыта не хватает, –

все наживки принимают, и совсем не для храбрости. Это просто работа такая – странная, но захватывающая.

Она снова принялась думать о Вере, рухнувшей в бездну страданий из-за идиотского решения шефов. И дала себе слово, что завтра поговорит с Падильей. Даже если ничего и не добьется, то хоть попробует выпытать, повлияла ли на это решение Диана, и если да... «Да ладно, забудь об этом. Чего ты добьешься? Диана Бланко уже сошла со сцены, вышла на пенсию, а что касается Веры... Думаешь, она снова получит работу, если ты докажешь ей, что Диана использовала свое влияние? Самое вероятное – Падилья вышвырнет заодно и тебя». Но эти мысли нашептывал ей ее злой демон. Она отогнала их от себя, еще раз встряхнув головой. Она слишком любит Веру, чтобы не попытаться восстановить справедливость.

Элиса чувствовала, что губы ее под слоем помады стали шершавыми, а лицо – мокрым от дождя. Она обеими руками вцепилась в длинный ремень сумки, в которой не было ничего ценного. Это всего лишь вещица из театрального реквизита, и единственным достоинством этой сумки был ремень: предполагалось, что вид голого, выступающего из топа ядерно-синего цвета плеча, да еще перечеркнутого ремнем, должен привлекать филиков Жертвоприношения. В теории.

Девушка прошла мимо заляпанных баков – таких же грязных, как и вся улица. Себя она ощущала примерно такой же: грязной, покрытой песком, словно капли дождя содержали

песчинки. Конечно же, так могло быть, ведь Элиса шагала по тротуару вдоль громоздившихся сооружений – грандиозного и нескончаемого строящегося объекта, который должен был стать гигантским форумом в римском стиле. Это был один из самых амбициозных проектов в Мадриде. Горожане называли его Цирком, что, по мнению Элисы, было более чем уместно, поскольку речь шла именно о цирковом трюке – фокусах с недвижимостью в исполнении частных фирм и мэрии. Многие сравнивали его со строительными работами, которые велись после того случая с бомбой 9-N¹⁴ пятнадцать лет назад: что-то грандиозное, что никогда не заканчивается.

А пока что не было ни театра, ни чего-либо даже отдаленно на него похожего, только уходящие вдаль дюны, огромный котлован в окружении арок в самом дальнем углу, а посередине – скопище прожорливых сложнейших машин, замерших по случаю позднего времени. В те годы Цирк, его строительная площадка и окрестности, расположенные к югу от Мадрида, превратился в излюбленное место бродяг и настоящий заповедник диковинной ночной фауны. Наркодилеры, организованные и стихийные банды, а также ночные бабочки появлялись и исчезали в пятнах света от галогеновых фонарей и мерцавшей рекламы. Редкие автомобили, словно призраки, проносились по грязным дорогам, и только автобусы, казалось, жили здесь собственной жизнью: останавли-

---

¹⁴ В современном испанском языке такое сокращение – 9-N – прочитывается как «9 ноября», т. е. как дата события.

вались, изрыгали из своих утроб пеструю молодежь и двигались дальше, как огромные обувные коробки, расцвеченные огоньками. Под каменными аркадами зимними ночами пылали разведенные бродягами костры. Среди царившего здесь запустения не было никого, оказавшегося тут без цели что-нибудь раздобыть – еду, наркотики или тело. Место это мало подходило для одинокой девушки, но в то же время входило в число отобранных психологами «охотничьих угодий». «Тебе достался Цирк, Элиса, – объявил ей перфи Начо Пуэнтес в понедельник вечером, пока она в гримерке приводила себя в порядок. – Но не беспокойся: местечко с низкой вероятностью». Что означало следующее: скорей ты умрешь, рассеченная пополам молнией в ясную ночь, чем встретишься там с Наблюдателем.

Элиса все это знала и принимала. Она была начинающей, а в «Хранителях» ходили слухи, что девчонок вроде нее используют исключительно в качестве стаффажа. «Ну и что? Так все начинали. В том числе и небожители вроде Дианы Бланко, Клаудии Кабиљдо, Мигеля Ларедо и Ольги Кампос, разве нет?» И если ей нужно растрачивать себя три ночи в неделю в роли статистки, она пройдет через это. Ей еще достанутся великие роли, когда придет ее черед. Хуже всего то, что случилось с Верой, которую уже лишили будущего. «Бедняжка Вера... Но пока что выброси ее из головы...»

Хлоп-хлоп – ее туфли на платформе в окружающей тишине замершей стройки производили звуки, подобные писто-

летным выстрелам. Больше ничего не было слышно, только журчала вода, стекавшая в ливневки. Сейчас около двух ночи, и уже час с лишним Элиса не видела ни одной машины. Еще полчаса – и она уйдет со сцены: достанет из сумки дождевик, наденет его и сядет в автобус, который отвезет ее обратно в Монклоа, где в машине на подземной парковке хранятся ее вещи. Она переоденется и снова станет Элисой Мо-настерио, которая возвращается в свою квартирку-прикрытие, где Вера, наверное, не спит и ждет ее, беспокоится за нее и в то же время завидует. И так до следующего раза. Итоги дебюта? Охрененный холод, пара встреч с пьяницами и хулиганами – вот и все. Но девушка решила, что все не так уж плохо – ведь у нее прибавилось опыта.

Издалека какая-то тень двигалась ей навстречу. Присмотревшись, Элиса поняла, что людей двое. Похоже, мужчины, по всей видимости молодые, и столь же очевидно, что с тем же намерением не трогать ее, какое демонстрирует дождь по отношению к ее уже промокшей русой головке. Девушка покрепче вцепилась в сумку и без колебаний устремила-сь им навстречу. Страшно ей не было. Она была наживкой в разгар представления – в костюме, с должным образом подготовленным телом и сознанием. Настоящая наживка, даже если и новичок, но умеющая и защищаться, и нападать.

«А если один из них – Наблюдатель? И отлично: тогда именно ты его и *обезвредишь*».

На губах девушки появилась легкая улыбка, когда она

вдруг подумала, что сказала бы мама, увидев дочурку в пурпурных штанах, оголявших задницу, шагающей мимо Цирка в полном одиночестве навстречу двум незнакомцам. «С ней наверняка случилась бы истерика», – сказала про себя Элиса.

Но больше всего ненавидела она в своей матери не истерики, а мужчин, которых у той было никак не меньше, чем истерик. По крайней мере, именно так думала Элиса, которая жила с матерью до тринадцати лет, того возраста, когда девочка начала отвечать на неадекватное поведение матери собственными срывами. Когда с ней это случалось, Элиса съедала всю еду, которую мог вместить желудок, а потом выблевывала ее, непереваренную, в унитаз – в точности так, как поступали древние римляне во время оргий. В то время она была толстенькой и пустой девчонкой – без будущего, и не раз ей в голову приходила мысль свести счеты с жизнью. Единственное, что ее останавливало, – это что матери ее, по всей видимости, было вообще плевать на то, что делает дочка, а той *хотелось*, чтобы маме было не плевать. Но, как думала Элиса, невероятно трудно было по-настоящему заинтересовать эту сеньору, проводившую время, как будто руководя работой двух бутиков роскошного дамского белья в Мадриде. Без сомнения, они были куском, который ей удалось урвать у отца Элисы, когда тот решил их оставить. Отец был большим семейным секретом: дочь знала, что он политик, что-то вроде депутата, но мать никогда о нем не упоми-

нала, а если и отступала от этого принципа, то только чтобы оскорбить его – в очередной истерике, сопровождаемой битьем зеркал, фарфора или того и другого сразу. Тем не менее в целом она не страдала оттого, что муж покинул ее, когда она была беременна Элисой, и больше не возвращался. Возможно, потому, что с тех пор денег у нее было вдоволь, как и мужчин, – она могла получить любого, какого ни пожелает. Последний из тех, кого довелось увидеть Элисе, оказался чернокожим массажистом: именно ему под ноги она выблевала в тот день съеденный обед, после чего мать решила наконец отвести дочку на прием к психологу.

Дальше все пошло именно так, как обычно и происходит в подобных случаях (как позже узнала Элиса): в качестве диагноза ей поставили нечто вроде «нервной булимии», предложили тест с полусотней глупых вопросов типа «Какой цвет тебе больше всего нравится?» или «Какую песню ты больше всего любишь?». Однако, кажется, Элиса попала со своими ответами в самую точку, потому что ее провели в другой кабинет, более странный, чем первый, где ей снова задавали вопросы, пытаясь, что она думает о своей семье и друзьях (какая семья? какие друзья?). Ее научили расслабляться, бороться, одолеть булимию, а самое главное – научили наслаждаться, причем до такой степени, о которой она, прожив тринадцать лет, полных страданий и лишений, даже не подозревала, испытывать наслаждение от созерцания двигающихся и говорящих людей – одетых и нет. Потом ее

стали вовлекать в прелюбопытные упражнения – например, это, такое забавное: она должна была стать неподвижной от пояса до макушки, и только там. Со временем она узнала, что это были упражнения, связанные с филией Плоти, и что это и есть ее собственная филия. Суть которой заключалась вовсе не в том, что ее приверженцу отбивные котлеты нравятся больше рыбы, как ей как-то, смеясь, объяснил один из психологов:

– Названия филий – это просто слова, как названия цветов, например. Быть любителем, или приверженцем, Плоти означает всего лишь то, что твой псином имеет специфическую структуру и попадает на удочку неких жестов, образов и слов, которые, например, совсем не действуют на меня, потому что моя филия – Маска.

Элиса, забавляясь, ответила, что горячо благодарит за это пояснение, но только она так ничего и не поняла. Что такое псином? Тем не менее в этом вывороченном наизнанку мире «ничего не понимать» означало как раз таки, если верить тому психологу, наивысшую мудрость. Если ты ничего не понимаешь, значит у тебя больше способности к наслаждению, к тому, чтобы отпустить на свободу свой псином и наслаждаться тем, что действительно доставляет удовольствие, без каких бы то ни было объяснений. «Это как будто играешь роль в театре, – объяснял он тогда. – Это ведь не ты автор пьесы, зато ты – тот, кто произносит слова, написанные автором». И правда, единственное, что имело хоть какое-то

значение для Элисы, – продолжать выполнять все эти упражнения, продолжать игру в движения, переодевания, произнесение слов – так, как ее учили. Ее учеба в школе, жизнь в доме матери и даже мечты стать журналисткой отошли на задний план. Единственное, чем она теперь хотела заниматься, было это.

А после того как очень серьезные сеньоры в темно-синих костюмах переговорили наедине с ее матерью, Элисе было предложено собрать чемоданы и навсегда распрощаться с той грустной и несчастной девочкой, какой она когда-то была. Пару лет Элиса провела в некоем учебном заведении, расположенном в горах близ Мадрида и похожем на университетский колледж, а потом ей предоставили квартиру в мадридском районе Леганес – на двоих с Верой. Она познакомилась с театром, прочла всего Шекспира, влюбилась сначала в одного коллегу, а потом – в Веру. С матерью она теперь виделась изредка, и впервые в жизни разговоры их протекали мирно. У нее появились чудесные друзья, она чувствовала себя на своем месте и была счастлива.

И когда ей сказали, что все это означает быть наживкой, это известие ее не очень озаботило.

Она захотела стать ею – еще до того, как узнала название.

Двое мужчин преградили ей путь, расположившись по диагонали, а не прямо перед ней, – чтобы она не смогла сойти с тротуара или броситься назад. От обоих несло горько-

ватым пивным духом.

– Гляди-ка, что за чудо нам попалося.

– Вау! Одна. Ты что, потерялась?

– Потерялась? Это вряд ли. Посмотри на нее сзади.

Послышался смешок.

– Ну и задница!

– Ну и штаны, я бы сказал! – Оба расхохотались. – Тебе как раз подошли бы!

По-испански они говорили, запинаясь. Элиса сделала вывод, что это либо румыны, либо чехи. Оба были очень юными, очень блондинистыми и по прикиду смахивали на наркодилеров, скорее всего мелких. На том, что оказался слева от нее, пониже ростом, был тесный пиджачок, походивший в мерцающем свете рекламного щита, приглашавшего в расположенный поблизости дискотека «Таркин», на змеиную кожу. На втором было длинное кожаное пальто, волосы тоже были длиннее и более спутанными, чем у товарища, а лицо – вытянутое, словно волчья морда. Их одежда наверняка была куплена у китайцев либо выменяна на колеса. «Змея и Волк – два идиота», – подумала Элиса. Двое мелких мошенников, которые сбывали товар в ночных клубах, а если ночка выдавалась подходящей – отправлялись грабить какого-нибудь заблудшего беднягу или насиловать девочек – или, если повезет, заниматься тем и другим сразу. Возможно, у них имелось и оружие, но Элиса сильно сомневалась, что они хоть раз им воспользовались.

Они перекинулись несколькими словами на своем языке, после чего Волк сказал:

– Ты что, шлюха? На вид – совсем девчонка.

– Отпустите меня, – произнесла Элиса намеренно спокойно, медленно опуская голову – так, как ее учили, – и прищуривая глаза.

– «Пожалуйста», – заявил Волк, ткнув в нее обтянутым кожей пальцем. – Какая невоспитанная сеньорита! «Отпустите меня, пожалуйста».

– Отпустите меня, пожалуйста, – послушно повторила Элиса.

– Мы хотим ее отпустить? – задал вопрос Волк.

Повисла секундная пауза.

– Нет, *не хотим*, – наконец произнес Змея изменившимся тоном. – Мы *не будем* ее отпускать.

Даже его дружок, кажется, удивился и в нерешительности взглянул на него. То, что для Волка продолжало быть шуткой, для Змеи превратилось в нечто более серьезное. Эта реакция заинтриговала Элису. Без всякого сомнения, на приверженцев Жертвоприношения эти двое не походили: ни один из них не заглядывался на ремень сумки на ее голом плече. И, судя по тону Змеи, которым тот сказал «посмотри на нее сзади», она сделала вывод, что наверняка в этой паре верховодит он. Но что с ним происходит? С чего такой резкий поворот?

Она на ходу попробовала симпровизировать жест: отве-

ла намокшие пряди с виска. И убедилась в том, что Змея устоялся в некую точку в центре ее тела, ни на что не отвлекаясь. Стала думать: может, его филия – Плоть, как и ее собственная, не из тех ли он, кто подсаживается на фантазии, связанные с торсом и ногами? Без рук, без слов, как Лавиния, девушка из кровавой трагедии молодого Шекспира «Тит Андроник», которой отрезают руки и язык, чтобы она не смогла выдать своих насильников. Покойный гений Виктор Женс (Элиса по несколько раз прочла его книги) утверждал, что Лавиния – это символ маски Плоти, как, впрочем, и вся пьеса. Она помнила его слова: «Плоть бессознательна, она не действует, не говорит. Техника базируется на отсутствии движений и текстов и предполагает исключительно демонстрацию тела как объекта, который может быть использован». Это работало – один венгерский психолог пробовал такое с наживками под кайфом. Но все это – теория, а сейчас Элиса оказалась в эпицентре практики. Сердце ее колотилось так сильно, что она практически слышала его биение, словно взрывы пистонов под блестящим топиком.

После секундного замешательства Волк одобрил новую линию поведения своего приятеля. Он встал за спиной Элисы, взял в руку ее косу и принялся шутливо мотать ею из стороны в сторону. «Почему нет? – казалось, хотел он сказать. – Эта минутка так же хороша, как и любая другая».

– Сколько попросишь за нас двоих? – игриво шепнул он ей на ухо, продолжая забавляться с косой.

– Я сейчас не могу, пожалуйста!

– Она сейчас не может. О! А когда в таком случае сможешь? Завтра?..

– Она сделает это бесплатно. Обоим. И сейчас же.

– Именно так. И ей понравится.

– Конечно, ей понравится.

Змея ее до сих пор не трогал (еще одно доказательство того, что он более уязвим), хотя и подошел так близко, что пиджак касался левого плеча Элисы. Она слышала его тяжелое дыхание. И решила дать ему последний шанс.

– Отпустите меня, – снова сказала она и прибавила, глядя на Змею: – Я опасна.

– Ого, ты слышал? – взвыл за ее спиной Волк, стиснув ее ягодицу. – Она «опасна»...

«Волк – ерунда, – подумала Элиса. – Сконцентрируйся на главаре». Девушка не хотела причинять им вред, потому что было ясно: ни один из них не был Наблюдателем, но она начала нервничать и решила взять инициативу в свои руки. В десятую долю секунды она заблокировала все органы чувств, которыми может управлять сознание. Для этого она воспользовалась своим затуманенным наркотиком состоянием и сконцентрировалась на воспоминаниях о той пантомиме, что разыгрывала в паре с другой девушкой два дня назад в «Хранителях». Ее память восстановила запахи, цвета и текстуру материалов декораций и тела ее напарницы, и настоящее растаяло, как выдыхаемый в холодную ночь парок.

Она отвернулась от Змеи, стараясь не говорить и не жестикулировать. «Калечная», – как сказал бы ее тренер.

Реакция последовала мгновенно.

Змея застыл на месте, глядя на нее с таким выражением, будто не понимал, что видит. Элиса сделала вывод, что доставила ему такое наслаждение, что парень оказался в состоянии, предшествующем полной одержимости.

– Убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое, – приказала она Змее и скользнула мимо.

И неторопливо пошла прочь, не обращая внимания на жалобные вопли Волка, как вдруг услышала спор на их языке. Она обернулась и увидела, как Змея быстро уходит, а Волк смущенно трусит следом, время от времени поглядывая на нее и, скорей всего, раздумывая, с какой стати приятель выпустил прямо изо рта такой легкий кусок. Элиса была уверена, что обязательно приснится Змее этой ночью, а может статься, что и во все последующие. Он станет мастурбировать, вспоминая о ней. Возможно, заболеет из-за наваждения. Возможно, вскрыет себе вены. Хорошо она его уделала, решила Элиса.

Ускорила шаг и миновала светящуюся рекламу клуба «Таркин», подавив неуместный смешок. Ну кто станет отрицать, что быть наживкой чудесно? Было бы желание – она что угодно могла бы сотворить с этой парой идиотов. Что угодно. Думать об этом было приятно – Элиса чувствовала себя могущественной, непобедимой. Как легко она справи-

лась с этой проблемой и как чисто! Зацеп был образцовым – быстрым, изящным. Нужно будет рассказать об этом Вере – о том, как легко она разрулила ситуацию. А как понравилась бы ее матери подобная власть над мужиками! Эта новая мысль заставила девушку рассмеяться. Тогда она взглянула на часы и, к вящему удовольствию, поняла, что смена ее закончилась. Не чуя под собой ног от радости, она заторопилась в тот конец улицы, где находилась автобусная остановка. И даже не обратила внимания на машину яблочно-зеленого цвета, припаркованную у края тротуара, по которому шла. Машину, в тонированных стеклах которой отразился свет фонаря, когда распахнулась водительская дверца.

Все еще радуясь, Элиса оглянулась и посмотрела назад, когда было уже слишком поздно.

Моего отца звали Эдуардо. Именно это я и услышала в ту ночь, тринадцать лет назад:

– Тебя зовут Эдуардо.

Понятия не имею, отчего я проснулась: тот, кто это принес, не кричал. Напротив, голос его звучал как-то удивительно сладко. Я протерла глаза и взглянула на стоящие на прикроватной тумбочке часы – красивые такие, в виде птицы, на одном из распростертых крыльев которой был помещен круглый циферблат. С тех пор это время выжжено в моей памяти каленым железом: 3:38 – вот что показывали зеленые цифры. Меня удивило, что цифры какие-то тусклые, – они ведь флуоресцирующие и поэтому должны были ярко светиться, и мне всегда очень нравилось, как они мерцают в темноте. Однако было что-то необычное в моей комнате, что-то, мешавшее цифрам сиять.

Это был свет.

Строго говоря, комната оставалась в потемках, но дверь была открыта, и свет проникал откуда-то с лестницы, по-видимому из гостиной, расположенной на первом этаже. Я подумала, что кто-то открыл дверь, например мама, а потом вышел, забыв ее закрыть. Эта мысль была абсурдной, потому что для мамы не была характерна такая небрежность, но я подумала именно так.

Я собиралась уже позвать ее, когда зазвучал смех и еще какие-то голоса, среди них голос Оксаны, нашей горничной, и – снова – *тот голос*:

– Очень хорошо, Эдуардо. А теперь – успокойтесь. Мы не пойдем вас, если вы не успокаиваетесь...

Голос мужественный и одновременно сладкий. Мне он понравился бы, если бы одновременно я не почувствовала нарастающий дискомфорт в желудке, как от проглоченного лекарства, которое начинает действовать только через несколько минут, растворяясь у тебя внутри. Это был мужской голос, но я сразу же связала его с Оксаной, которая точно так же коряво изъяснялась по-испански. «*Мы не пойдем вас, если вы не успокаиваетесь*». Эта фраза меня позабавила. На самом деле я решила, что у нас в гостиную праздник и кто-то из папиных приятелей передразнивает Оксану. Но что за праздник в такое время?

Я сосредоточилась и постаралась вспомнить, что мы в тот день делали: была суббота, мы все вместе ходили в кино, посмотрели чудесный фильм – романтическую историю про любовь, из тех, что так нравятся и маме, и мне, а Вера рассыпала воздушную кукурузу из кулька на пол, под сиденье, и мама ее отругала. Я была уверена, что папа не говорил нам ни о какой намеченной вечеринке, да и было уже слишком поздно. От этого объяснения пришлось отказаться.

Тогда, тихонько встав с кровати и подойдя к порогу, я поняла, что за веселыми громкими голосами слышен чей-то

плач.

Когда я наконец поняла, кто плачет, то стала винить себя, что раньше не догадалась. За прошедшие годы передо мной множество раз вставал образ мамы – ее лицо, ее шевелящиеся губы, но ни разу – как она говорит. В моих воспоминаниях, начиная с той ночи, она никогда ничего не говорит – только тихо плачет и невнятно икает.

Я вышла в коридор, но, не дойдя до лестницы, остановилась, услышав яростный шепот папы:

– ...ты что, не видишь? Я спокоен... А теперь почему бы тебе не разрешить моей жене подняться на минуту наверх и взглянуть на девочек?

– Слушай, Эдуардо...

– Я спокоен... Всего на минутку. Майте, пожалуйста, прекрати плакать...

Дверь моей комнаты была последней по коридору. По правую руку от меня была комната Веры, дверь в нее тоже была открыта, но, к счастью, Вера лежала в кровати и спала. А через распахнутую настежь дверь спальни наших родителей я смогла разглядеть валяющееся на полу красное одеяло и простыню. Мне пришло в голову, что мама рассердилась бы, если бы увидела этот беспорядок, но тут же я сообразила, что она уже, должно быть, это видела, потому что плачет-то как раз она.

Я осторожно приблизилась к лестнице. По-настоящему я не испугалась, но по какой-то причине мне казалось, что бу-

дет лучше, если люди в гостиной меня не заметят. Именно поэтому я выбрала лестницу, а не коридор, потому что с лестницы могла охватить взглядом большую часть первого этажа, да так, что снизу меня никто не увидит. Я спустилась на несколько ступенек – бесшумно, босая, вытягивая шею, чтобы поверх деревянной балюстрады разглядеть происходящее внизу, – как зритель в театре, которому досталось неудобное место.

Первым, кого я увидела, был папа. Он сидел напротив лестницы на стуле, примотанный к нему скотчем. Скотч был серебристого цвета, он крест-накрест пересекал его грудь и живот, голые под распахнутой пижамой, а ниже обвивался вокруг коленей и щиколоток. Папа был почти неузнаваем – покрасневшее потное лицо, взлохмаченные волосы. Он широко таращил глаза, и я поняла, что это оттого, что не надежды ни линзы (он снимал их перед сном), ни очки. Странно, но именно эта деталь ошеломила меня – небрежность в таком человеке, как он, занимавшем высокую должность в администрации предприятия по производству стекловолокна, всегда таком безукоризненном, таком элегантном.

Оксана, девушка-украинка, помогавшая нам по дому, которую мы наняли всего пару месяцев назад, стояла рядом с папой. Она была совсем молоденькая, от силы лет двадцати, светловолосая, невысокого роста. Сейчас на ней была не ее обычная униформа, а джинсы и куртка, которые она надевала в выходные дни, и она довольно часто встревала в разго-

вор, говоря то на родном языке, то на ломаном испанском. Меня очень удивило то, как она говорила: яростно жестикулировала, почти кричала – разительный контраст по сравнению с той смиренной девушкой, какой она выглядела раньше. Маму я видеть не могла – по-видимому, из-за того, что она сидела на противоположной от папы стороне, под лестницей, но в гостиной присутствовали еще двое – они ходили взад-вперед, и я очень хорошо их рассмотрела. Это были мужчина и женщина. Женщина все время оказывалась спиной к лестнице, поэтому я смогла заметить только пышную копну темно-каштановых волос и кожаную куртку. Мужчина, обладатель этого *голоса*, ходил туда-сюда – от стула с папой к дивану и обратно. Самой характерной в его облике была голова – бритая наголо, только по центру ото лба к затылку шла густая черная полоса волос, похожая на конскую гриву.

– Эдуардо, – говорил Человек-Лошадь, причем так, что у него получалось «Эдардо». – Девочки в порядке. Спокойно.

– Я спокоен, черт! – тяжело дыша, сказал папа, но было очевидно, что спокойствие он, конечно, потерял. – Повторяю, я совершенно спокоен. И я уже отдал вам кредитки и ПИН-коды к ним... Чего вы еще хотите, черт подери?..

– Кэш... – заявил Человек-Лошадь, потирая указательный и большой пальцы, что, как я знала, означает «деньги». – Понимаете?

– Да не держу я наличные дома, я тебе уже сказал! Нет кэш! Понял, ты?

– Не кричите, – предупредил Человек-Лошадь. – Окса так не думает. Окса говорит, видеть деньги, много билетов, где вы в кабинете. Где они?

– Временами у меня бывали деньги дома, но я не имею привычки...

Тут Оксана кое-что сделала. Она подлетела к моему отцу, да так быстро, что и я подскочила, и стала на него орать. Оксана была симпатичной, нам всем так казалось. Хотя лицо ее было широким и круглым, фигурка у нее была стройная, глаза огромные, а взгляд как у испуганной лани. Но в ту секунду ее физиономия стала пунцовой, а на шее вздулась вена.

– Деньги! – выкрикнула она и ударила отца по щеке. – Деньги! У тебя есть! – И она еще раз ударила его, и еще, маленькой ручкой, словно маятник раскачивался: удары были невиданной силы, или мне так казалось, а тяжелая голова моего отца раскачивалась из стороны в сторону. – Где! Спальня! Кабинет! Где!

Человек-Лошадь произнес: «Окса» – и она с трудом, но остановилась, тяжело дыша. В ту же секунду плач моей матери превратился в душераздирающие рыдания. Другая женщина, та, что с каштановыми волосами, исчезла из поля моего зрения, я снова услышала звук удара, потом крик моей матери, вслед за этим закричал отец, а Оксана побежала задергивать занавески на окнах. Этот переполох заглушил мои собственные всхлипы. Увидев, как Оксана хлещет по щекам

моего отца, я окаменела. Почувствовала, что вот-вот опишусь, словно время вдруг повернуло вспять и мне уже не двенадцать лет, а снова пять, как Вере. Я подняла руки и постаралась зажать ими рот или хотя бы приглушить плач, но мне удалось только немного унять дыхание к тому моменту, когда вновь стало тихо; я еще продолжала всхлипывать, но гораздо тише, так что меня практически не было слышно. Даже не подозревая об этом, я выполнила одно из тех упражнений по самоконтролю, которые позже не раз и не два спасут мне жизнь.

– Эдардо, – вновь заговорил Человек-Лошадь, когда все остальные замолчали, однако голос его уже не казался мне сладким – как будто красивый зверь вдруг показал клыки. – Мы кое-что сделаем. Мы не хотим делать, но вы не сотрудничаете... Приведем девочек?

Пока мужчина говорил, Оксана встала за спиной моего отца и принялась заклеивать его рот скотчем. Папины щеки надувались, делая его похожим на рыб фугу, которых мы с Верой видели в одном документальном фильме в компьютере.

– Вы это хотите? Привести девочек?

Папа головой показывал, что нет, а стул его при этом скрипел, словно трещотка на веревочке. Мамины рыдания превратились в визг, хоть и приглушенный, как будто ей тоже заклеили рот скотчем.

– Предпочитаете жену? Девочек? Вам выбирать.

– Девочек, – сказала Оксана, наклоняясь к папе сзади, вцепившись рукой ему в волосы. – Он говорит «девочек». Они ему больше нравятся.

Папа ничего не говорил, только стонал; лицо побагровело, трясущиеся щеки выступали над кляпом. Но Оксана, судя по всему, просто наслаждалась: держа его одной рукой за волосы, другой дотянулась до низа его живота и принялась трогать там, куда я не хотела смотреть, но все время смотрела.

– Да... он предпочитает девочек. Эдардо любит маленьких девочек. – И она хохотнула.

– Мы не хотим. – Человек-Лошадь ткнул в сторону папы пальцем. – Мы не хотим. Но ты вынуждаешь. Окса, иди за девочками.

Именно этот приказ заставил меня действовать. Я почти физически ощутила, как мои руки освободились: щелчок – и суставы вновь обрели способность двигаться. А вот встать я не могла – ноги дрожали, так что я доползла до верха лестницы, обдирая коленки, а потом на четвереньках двинулась в направлении комнаты Веры. Единственное, что я осознала, – необходимость защитить сестренку. Рассудок мой в те минуты был комнатой ужаса, а сама я сидела в ее дальнем углу, сжавшись в комок, в полной темноте, с одной лишь мыслью: «Вера... Вера... Вера...»

– И?

– Больше ничего. Начиная с этого момента я по-прежнему

ничего не помню.

– Что ж, хорошо, – сказал доктор Аристидес Валье, но как-то неуверенно, словно моя амнезия его разочаровывала, и характерным жестом поправил на носу свои очки без оправы, с круглыми линзами.

Кабинет его походил на колодец, доверху наполненный тишиной и полумраком. Я сидела напротив письменного стола – наклонившись вперед, локти упираются в колени, как будто меня только что вырвало.

– В любом случае мы продвинулись, – прибавил он. – Ненамного, но хоть что-то по сравнению с прошлым разом. Если мы сейчас это оставим, то весь тот путь, что нам удалось пройти, пропадет втуне...

Я кивнула и слегка расставила ноги, одновременно сделав глубокий вдох. Мне было жарковато, но куртку я не сняла. И ничего не сказала, храня молчание в ожидании слов Валье.

– Ты понимаешь, что я имею в виду, Елена? Если мы сейчас оставим это, все наши усилия, предпринятые во время последних консультаций, окажутся напрасными. Это все равно что надуть воздушный шар, не завязывая, – произнес он, но удивить меня ему не удалось: я уже успела привыкнуть к его метафорам. – Я понимаю, как трудно тебе пытаться вспоминать. Твои воспоминания заблокированы, это типично для некоторых видов травм, но поверь: мы сделали несколько очень важных шагов на этом пути. Это событие из ранней юности может быть связано с твоими симптомами.

Если сейчас ты бросишь терапию, в будущем тебе придется начинать с нуля...

Я сглотнула слюну и прокашлялась.

– Понимаю, – сказала я. – Но больше не могу приходить сюда.

Валье пристально смотрел на меня, подперев щеку рукой.

– Мы можем уладить финансовые вопросы, если дело в деньгах, – предложил он. – Я серьезно. Ты не будешь мне платить, пока...

– Нет, проблема не в этом. Правда, я очень благодарна за то, что вы меня выслушали. Но дело в том, что я просто больше не смогу приходить.

– Понятно, – кивнул Валье, не настаивая, и глубоко вздохнул.

Я еще покашляла, чувствуя, как горят щеки (наверняка красные), и взглянула доктору прямо в глаза, ожидая, когда же он меня отпустит. Мне не хотелось показаться невежливой, но решение было принято. Незачем было продолжать ходить к нему, и, точно так же как я проделала это с Алваресом и Падильей четыре дня назад, я хотела сжечь все мосты, чтобы начать новую жизнь. Поэтому и попросила перенести свой визит на этот четверг, чтобы «Елена» тоже могла исчезнуть, и чем раньше, тем лучше. Так что я продолжала ждать, уставившись в некую точку рядом с лицом Валье, на которое падал свет от экрана стоявшего на столе ноутбука, но все же время от времени поглядывая на доктора.

Аристидес Валье был привлекателен, но прежде всего – элегантен и мягок. Лет ему было около сорока, плотное сложение, рост средний, волосы цвета золы коротко подстрижены. На овальном лице, моложавом и гладком, почти всегда было выражение незыблемого спокойствия, – словно поверхность пруда, которую ни один брошенный камень не смутит более чем на пару секунд. Говоря, он наклонялся вперед, словно желая уменьшить разделявшее нас расстояние и оказаться в нескольких сантиметрах от моего лица. Всегда он был одет в красивые, подходящие друг к другу вещи: сегодня это была темно-лиловая рубашка, брюки того же оттенка и галстук цвета фуксии. Воспитанный человек, раскованный, обладавший, казалось, неистощимым терпением по части пауз, с плавными жестами. Я обратилась в его частную консультацию четыре недели назад с жалобами на головную боль и бессонницу, и теперь, после четырех сеансов, в течение которых постаралась рассказать о том ужасном событии, которое перевернуло мою жизнь (естественно, изменив имена и больше ни о чем не распространяясь), я приняла решение оставить эту затею. И пока я его разглядывала, мне пришло в голову, что доктор Валье уже никогда не узнает о моем истинном «я».

Это если у меня, конечно, имеется некое «истинное я», которое можно так назвать.

Внезапно Валье прервал молчание, но заговорил уже другим тоном – более оживленно, будто в голову ему пришла

новая мысль:

– Могу я спросить тебя кое о чем, Елена?

– Конечно.

– То, что ты мне рассказывала, – правда?

Я замигала:

– Что?

Мое удивление в определенном смысле его удовлетворило. Он чуть отодвинулся в своем кресле и опять поправил очки. Когда он вновь заговорил, в его голосе сквозило смущение, хотя оно показалось мне несколько наигранным.

– Знаешь, я более двадцати лет занимаюсь этой работой: пятнадцать – в Испании, до этого еще пять лет – в Аргентине, еще немного – в Соединенных Штатах... Здесь вот у меня дипломы. – Он указал на стену за креслом и улыбнулся. – Но ничто из того, что я изучал в течение жизни, ни одна вещь, поверь, не помогла в моей профессии так ощутимо, как детство, проведенное в бедном квартале Боготы. Уверяю тебя, я стал психологом задолго до того, как получил диплом, потому что в моей родной стране нужно быть немного психологом с самого детства, чтобы понимать, кому можно доверять, кто говорит правду, а от кого следует ждать неприятностей. Я видел много нищеты и много страданий... – Он уставился в потолок, раздумывая, прежде чем продолжить, и я поняла, что сейчас услышу еще одну метафору. – Подобно азиатским ныряльщикам за жемчугом, которые могут долго оставаться под водой, потому что тренируются с детства... Жизнь на-

учила меня задерживать дыхание, Елена, и я немного знаком с большими глубинами. Все, что я делал потом, послужило только объяснением того, чему я уже и так научился. Именно для этого нужны учеба и книги, и ни для чего иного, – чтобы объяснить себе самому то, чему ты уже научился на улице. Но ты, верно, думаешь: и зачем он рассказывает мне эту лабуду? – Вопрос не предполагал ответа, и я промолчала. – А я скажу тебе: потому что я чувствую, когда мне лгут, когда пытаются меня провести, когда что-то скрывают... И ты по неизвестной мне причине с самого начала лгала.

Я не нашлась что сказать. И принялась покусывать большой палец, словно слизывала остатки какого-то лакомства, а между тем не сводила глаз с Валье. Он тоже какое-то время смотрел на меня, а потом вдруг провел рукой перед сенсорным экраном своего ноутбука.

– «Елена Фуэнтес Манчера, – прочел он, – двадцать пять лет, уроженка Мадрида, обратилась за консультацией четыре недели назад по совету друга... – Он пропустил незначительную информацию, будто стремясь перейти к самой сути. – Бессонница, головные боли, потеря аппетита, симптомы депрессивного состояния, не поддающиеся обычной терапии... Анамнез...» – Он остановился и перевел на меня рассеянный взгляд. – А вот здесь я перестаю что-либо понимать.

Я отвела со лба те прядки, что не хотели держаться вместе с остальными, собранными в хвост на затылке. И, ожи-

дая продолжения речи Валье, нахмурилась, чувствуя себя школьницей, распекаемой солидным и привлекательным учителем.

– Тут какие-то нестыковки. Сейчас объясню. Здесь упоминается нечто ужасное, случившееся с твоей семьей. С другой стороны, это не совсем для меня неизвестное. Типичная технология «служанки». В Боготе ее давно используют в богатых домах. Девушка попадает в семью под чужим именем, предъявляя фальшивые документы, работает несколько недель, собирая сведения о членах семьи и о том, где хранятся деньги и ценности, а потом в одну прекрасную ночь отключает сигнализацию и открывает двери своим друзьям-приятелям, то есть сообщникам. В основном они ограничиваются ограблением и смываются. В твоём же случае все осложнилось, потому что грабители оказались психопатами. И они причинили вам очень много страданий... Все это так. Но кое-что сбивает меня с толку. – Он вновь провел рукой, меняя файл, и на этот раз повернул экран ко мне. – Я стал искать публикации в газетных архивах, потому что, как я уже говорил, не верил в то, что ты говоришь правду. И действительно нашел одну публикацию. На сайте газеты «Эль-Паис». И дата соответствует твоему рассказу. Но вот имена – хоть в статье приведены только инициалы членов семьи, как ты и сама можешь видеть... они не совпадают с теми именами, которые назвала ты.

– Инициалы в публикации были изменены, чтобы огра-

дить нашу частную жизнь, – ответила я.

Валье скорчил гримаску, будто соглашался со мной в мелочах и одновременно не соглашался по существу.

– Так могло быть, я и сам так сначала думал, но... Ты знаешь, что такое «Winf-Pat»? Это такая структура в Сети, состоящая из оцифрованных файлов и докладов, где можно найти все о любом пациенте, если у тебя есть соответствующий допуск. Неограниченный допуск можно получить только по решению суда, но существует и ограниченный допуск, которым располагают врачи и психологи-криминалисты. Переехав в Испанию, я какое-то время работал врачом-криминалистом, да и до сих пор веду там кое-какие дела, так что допуск у меня есть. Заинтригованный этой историей с инициалами, я разыскал этот случай и узнал имена людей из той статьи: Диана Бланко и Вера Бланко – так звали упомянутых в газете сестер, а вовсе не Елена и Кристина.

Я долго не отрывала взгляда от Валье – пока длилась пауза. Я не могла бы, пожалуй, сказать, сколько времени мы молчали. Мне вспомнилось, как когда-то в усадьбе, разыгрывая сцену из «Ромео и Джульетты» для Женса, в которой Клаудия Кабиљдо и я изображали любовников и должны были лишь смотреть друг на друга, не касаясь. Мы обменивались репликами из пьесы, словно вспышками огненного дыхания, в то время как наше возбуждение все росло и росло, вознесенное к самому пределу воздействием наркотиков. В какой-то момент я подумала, что мы с доктором Валье смот-

рим друг на друга точно так же, разделенные непреодолимым барьером письменного стола.

– Сначала я решил, что ты мне наврала, только и всего, – вновь заговорил Валье, поняв, что я не собираюсь сознаваться. – Некоторые симулянты способны даже подделать официальные документы... Но самое любопытное, что в «Winf-Pat» действительно фигурируют некие Елена и Кристина Фунтес, с которыми случилась *аналогичная* история, судя по размещенным данным. Однако никаких других признаков их реального существования там нет, они как будто введены в базу данных некой сверхъестественной силой. – Он пожал плечами. – Разные адреса, разные фамилии, одинаковые истории... Все очень странно. И даже более, если принять во внимание, что для фальсификации данных в «Winf-Pat» нужно что-то посущественнее, чем просто способность или желание соврать...

Повисла новая пауза, назначением которой было предоставить мне еще одну возможность сознаться. Но я отвлеклась на внезапно возникшую идею. «Психолог», – думала я. И спрашивала себя, хотя и не впервые, насколько хорошо он может быть знаком с феноменом псинома и что бы он сказал, если бы смог с ним познакомиться.

Что сказал бы дорогой психолог, если бы, например, узнал о секретном эксперименте под кодовым названием «Секстант», связанном с филией Огня, подтвердившем, что наслаждение, которое мы ощущаем, может быть передано дру-

гому человеку через обычное касание. Как будто бы мы пылаем и обжигаем его своим пламенем, и не важно, одного ли мы пола и насколько разнимся по возрасту. Что бы он сказал, если бы узнал правду о человеческом желании и любви? Или он знает? Но что-то я сомневаюсь – он выглядит слишком оптимистичным.

– Кто ты, Елена? – Валье понизил голос, как будто рядом спал ребенок. – Или мне следует называть тебя Диана? Откуда ты взялась? Ты не похожа на банальную врунью. Почему бы тебе не сказать мне правду? А потом ты, если захочешь, уйдешь и больше не вернешься. На тебе как будто маска надета... Почему бы тебе ее не снять?

Эта новая «метафора» застигла меня врасплох. По спине словно пробежал электрический ток, некий болезненный спазм, и я осталась сидеть в той же позе, не имея возможности ни шевельнуться, ни сконцентрироваться на каком-либо действии, пока не отпустило и я не смогла наконец подняться.

– Мне нужно идти. Извините.

Валье ничего не сказал в ответ, но окликнул меня, когда я уже была у двери, чтобы напомнить мне, что я забыла рюкзак. Я ощущала на себе его пристальный взгляд, пока возвращалась за рюкзаком, и вдруг услышала его голос – такой издает музыкальная шкатулка, когда ее открываешь.

– Что я тебе сделал, что ты чувствуешь себя такой несчастной? Почему ты плачешь?

Я утерла слезы и, не оглядываясь, направилась к двери.
– Прощайте, доктор. Спасибо.

Оказавшись на улице, вдохнув свежий воздух пасмурного осеннего полдня, я смогла успокоиться. И, бодро направившись к своей машине, думала, что к добру это или к худу, но я больше никогда не появлюсь в консультации доктора Аристидеса Валье. Хотя, быть может, и было ошибкой прийти сегодня к нему и сказать об этом, верно то, что со всем покончено. Моя работа закончена, а вместе с ней и моя прежняя жизнь.

И теперь я отправлялась, как Ромео, в изгнание самой обычной жизни.

У меня в спальне стоит старый плетеный стул – реликвия из дома родителей. Дядя Хавьер, брат папы, в доме которого мы с Верой прожили несколько лет после трагедии, собрал наши пожитки и отправил на хранение в огромный, километровой, мебельный склад, в ожидании того момента, когда мы соберемся ими распорядиться. Но оказалось, что распорядиться-то особенно некому: Вера так никогда и не появилась на этом складе, а я всегда была более практичной, чем сестра, и, хотя мне тоже очень не хотелось, в конце концов решила использовать кое-что из этого скарба, чтобы заполнить пустоты в моей квартире-прикрытии на улице Юсте.

И это стало моей большой ошибкой, в чем я убедилась чуть позже. Слезы не давали мне увидеть на том складе почти ничего. Фокус заключался вовсе не в том, что эти вещи оживили мои воспоминания, наоборот, стало казаться, что они мне не принадлежат. Они принадлежали девочке, которую звали Диана Бланко и которая жила своей жизнью, параллельной по отношению к моей. Так что я в результате развернулась на сто восемьдесят градусов и была готова уже навсегда уйти оттуда, когда сквозь пелену слез разглядела этот стул. Он был частью гарнитура, стоявшего у нас в саду, возле бассейна. Деревянная крестовина, которой соединялись ножки стула, была с одной стороны поломана, и папа кое-

как замотал ее изолентой. Понятия не имею, почему я тогда унесла с собой именно этот стул, — он никоим образом не мог вписаться в минималистский интерьер моей непритязательной квартирki. Потом я стала думать, что это был типично мамин порыв, один из тех, склонность к которым унаследовала Вера. Со мной же подобное случалось крайне редко — что-то вроде яростного желания бросить вызов собственной боли: «У меня отняли родителей, мое прошлое, а теперь еще лишают *всех* моих вещей?» Так что я вцепилась в этот стул и с ним ушла. Больше я на склад не возвращалась и все распродала через агентство, когда не стало дяди. А стул остался со мной, стоял в моей спальне, в изножье кровати, хотя я и использовала его только как вешалку для одежды. И никогда на него не садилась — не потому, что боялась, что он старый и развалится, а потому, что он особым образом скрипел, когда на него садились, — издавал специфический и неприятный звук, будто наступаешь на сухие листья, и раздавался он исключительно в том случае, если стулу приходилось выдерживать вес человека.

И вот этот-то звук слышала я, когда выключила телевизор тем утром: именно *скрип* плетеного стула из камыша в спальне — в комнате, куда я еще не заходила, придя домой.

Я только что вернулась после консультации с доктором Валье и не то чтобы чувствовала себя по-настоящему плохо, но ощущала какую-то пустоту, как когда ты стараешься-ста-

раешься что-то делать, а потом это что-то неожиданно заканчивается, и непонятно, на что направить высвободившуюся энергию. Было утро четверга, прошло всего трое суток с того дня, как я объявила о своей отставке. Почти все, кто должен был быть поставлен в известность, уже об этом знали: Алварес, Падилья, Мигель и Вера. Также я покончила все дела с доктором Валье. Оставалось только навестить Клаудию Кабиљдо и позвонить сеньору Пиплзу, но это я решила отложить на потом, отодвинув на последнее место, и даже не была уверена, что сделаю это. Я оказалась в том переходном состоянии, когда признаки новой жизни пока не очевидны, а вот отсутствие жизни прежней уже ощущается; этот разрыв между тем, что хочешь, и тем, что на самом деле делаешь, он как «наваждение» – насколько я помню, именно так в шекспировской пьесе именовал Брут свой план убить Цезаря. К счастью, неотложных забот хватало: моя жизнь с Мигелем, возможные поиски новой работы, еще одна возможность – не сейчас, конечно, а в перспективе, но различимой – завести детей и, естественно, моя сестра.

Я знала, что вопрос с Верой до сих пор не решен, несмотря на то что мне таки удалось в «Хранителях» схватить за яйца Падилью и надавить на него, чтобы он вывел Веру из этой истории и при том сказал ей, что это его собственное решение. Естественно, Вера воспринимала это очень болезненно. «Она вышла из кабинета в слезах», – сообщил мне Мигель, тоже присутствовавший при этом тяжелом разговоре. И не

то чтобы я мучилась угрызениями совести из-за подставы, которую устроила своей сестренке, – как говаривал тот же Брут, иногда, чтобы обрести одно, нужно пожертвовать другим, а жизнь моей сестры значила для меня гораздо больше, чем это мелкое предательство. Я-то полагала, что будет достаточно всего лишь факта моей отставки, чтобы Вера тоже оставила профессию, но получилось совсем наоборот: теперь она упорствовала в своем желании стать наживкой, как никогда прежде. И хотя я не сомневалась, что поступила правильно, тяжело было думать о последствиях. Как будто я нанесла сестре удар кинжалом в спину.

Мало того, после нашего с ней разговора в «Хранителях» мне не удалось с ней поговорить: когда я ей звонила, неизменно натыкалась на голосовую почту. Это молчание меня очень беспокоило. Подозревает она о чем-то? Мигель уверял, что мое имя ни разу не прозвучало в том разговоре Веры с Падильей, но Падилье я могла довериться меньше, чем сиденью унитаза, покрытому осколками стекла. Правда, оставалось еще одно объяснение: Вера просто не желает ни с кем разговаривать, что было вполне логично. Ей нужно время, чтобы пережить удар. «Практически так же, как и мне», – подумала я. И, входя домой после визита к доктору Валье в четверг утром, я приняла решение: если так и не получу весточки от Веры, то попробую позвонить Элисе Монастирию, чтобы хоть косвенным образом разузнать о сестре.

Моя квартира на улице Юсте была квартирой под при-

крытием. Согласно реестру недвижимости, в ней проживала Елена Фуэнтес Манчера, женщина-телеоператор двадцати пяти лет, обучавшаяся (последний курс) на экономиста. Но мне не нужно было вести двойную жизнь или что-то в этом роде, как шпионам в кино, а только ласково улыбаться соседям, держаться с ними вежливо, но холодно, чтобы их не слишком воодушевила моя улыбка. Елена существовала только для того, чтобы мое настоящее имя не всплывало в многочисленных справочниках и сетевых поисковиках, что, правда, не относилось, как я только что узнала от Валье, к таким вещам, как «Winf-Pat». И квартирка вполне соответствовала моему скромному существованию: она была меньше тех кабинетов, в которые мне за свою жизнь приходилось входить, хотя здесь и были перегородки между крошечной гостиной и спальней и между спальней и ванной комнатой. Самым навороченным в этой квартире была система безопасности. Именно поэтому, удостоверившись, что сигнализация не отключена, я спокойно вошла, активировала систему и рухнула на софу в гостиной, даже не заглянув в спальню. Лежа, я вытянула ноги, провела в воздухе рукой, назвав номер канала, который хотела включить, и стала смотреть выпуск новостей, прокручивая в голове ситуацию с Верой.

Новости были вполне обычны для реальности, в которой мы живем, – «луперкалии»¹⁵ наших городов», если вспомнить

---

¹⁵ *Луперкалии* – древнеримское празднество-фестиваль в честь Луперка (Фав-

одно из выражений Женса, словечко, которое наводило на мысль, что оно тоже взято из «Юлия Цезаря». Еще один террористический акт в Египте. Обострение военных столкновений в Грузии. Сведение счетов между мафиозными кланами. Еще одна организация, занимающаяся торговлей «белыми рабынями» в Италии. А в Мадриде – новые события, связанные с так называемыми Отравителем и Наблюдателем. По-видимому, Управление внутренних дел решило, что первый из упомянутых стал интереснее публике, чем второй, и в выпуске новостей ему уделили на пять минут больше. Погиб еще один человек, причем с теми же симптомами, что и в семи предыдущих случаях: паралич и конвульсии. Это был парень двадцати трех лет, токсикоман, скончался он у себя дома. Данные вскрытия показали, что он умер от того же, пока неизвестного вещества, что и предыдущие жертвы, – вещества, которое не оставляло никаких органических следов. С каждым последующим случаем полиция со все большей уверенностью утверждала, что за этими смертями стоит один и тот же человек, некий субъект, которого пресса уже успела окрестить Отравителем, несмотря на то что пока не было установлено даже, использовалось ли какое-либо отравляющее вещество. Новость преподносилась как очередной эпизод телесериала: с фотографией жертвы – парнишки с каштановыми волосами, ясными глазами и изможденным лицом.

на), божества плодородия, проводилось ежегодно 13–15 февраля; сопровождалось жертвоприношениями собак и коз.

По сравнению с этим монтажом упоминания происхождения с участием второго монстра не впечатляли. Господин Наблюдатель наскучил, очевидно, средствам массовой информации. Хотя нельзя отрицать тот факт, что после обнаружения тела девушки из Доминиканы – месяц назад в мусорном контейнере на заднем дворе дома престарелых – Наблюдатель, насколько было известно, не проявлял себя, и этот период временного затишья сильно поубавил интерес к нему со стороны прессы. Однако я принадлежала к узкому кругу лиц, кто своими глазами видел фотографии Аиды Домингес, двадцати двух лет, уроженки Доминиканской Республики, выплюнутой Наблюдателем через неделю после похищения в виде обглоданной кости, брошенной в мусорную кучу, и «новость» оставалась столь же близкой к моей шкуре, как воспалившийся прыщ на лице.

Аиду я видела во сне, ощущала ее, ужасалась тому, что сделали с ней, с этой девушкой, торговавшей своим телом в Мадриде, пока это тело не похитил Наблюдатель, чтобы разрушить его, проесть до самой сердцевины, изглотить до самой души. Я смотрела на себя глазами Аиды, чувствуя ее невыносимую боль, визжа ее голосом. Аида Домингес, двадцати двух лет, стала частью длинной череды призраков, которые своим страданием обвиняли, указывали на всех жестоких, на всех насильников в этом мире.

«Согласно нашему источнику в Управлении внутренних дел, полиция обнаружила явный след, который приведет

к поимке убийцы проституток», – вещал диктор. «Явный след», – думала я. Браво, Алварес, с каждым разом твоё изображение работает все лучше и лучше. «*Явный след*» – и это притом, что на самом деле у нас нет ни одной чертовой идеи. «Но ведь ты ушла с работы, идиотка. Карут. The end. Теперь это тебя не касается». Яростным жестом я убрала изображение с экрана телевизора, чувствуя подступающие слезы.

И слышала этот звук.

Плетеный стул. Спальня.

Я точно знала, без тени сомнения, что там кто-то есть. Кто-то, кто уже находился в спальне, когда я вошла в квартиру, и кто тихо сидел там все то время, пока я валялась на софе, как мешок с картошкой. Я почти что видела, как в кино, картинку действий предполагаемого взломщика: он пошевелился на стуле, надеясь, что звук телевизора скроет этот скрип, поскольку не мог предположить, что я его внезапно выключу.

Елена Фуэнтес Манчера, телеоператорша с ненормированным рабочим днем, подскочила бы на месте, охваченная ужасом при мысли о вломившемся к ней в дом незнакомце. Но в моей реальной жизни (если считать, конечно, что она у меня была) к подобным ситуациям я была готова. Мне даже не нужно было оружие. Я – наживка. Я сама себе оружие. Внезапность нападения могла представлять определенный риск, но если я была готова, то очень немного могло

причинить мне вред.

Итак, я поднялась и тихонько двинулась по направлению к соседней комнате. Дверь в спальню оказалась слегка приоткрытой, и комната, насколько было видно в щель, стояла погруженной в темноту. Это только укрепило мою уверенность, что там кто-то есть: я никогда не забываю утром раздвинуть занавески. Мне нравится, когда светло.

Мгновение я смотрела в приоткрытую дверь. Воспоминание о другой темноте сделалось почти что болезненным, как бывает, если с воспаленным горлом глотаешь кислое, – о той темноте, что порывом ветра ворвалась в мои двенадцать лет и не улеглась, пока не задула свечи моего детства. К той темноте я не была готова, и, судя по амнезии, которая выявилась на сеансах с Валье, не была я к ней готова до сих пор.

«Успокойтесь. Мы не поймем вас, если вы не успокаиваетесь».

Мысленно я подготовила защитную маску и тихонько толкнула дверь. Некая тень стояла возле плетеного стула. Но прежде чем при помощи голосового сигнала включился свет, разрешились все мои кошмары. И каким бы невероятным это ни показалось, когда мне наконец открылась правда, я почувствовала себя не намного лучше.

– Шлюха! – услышала я.

Человек держал что-то в руке. Еще до того, как я поняла, что это, я увидела, как этот предмет летит прямоком мне в голову.

Еще чуть-чуть, и эта штука угодила бы в меня, однако она впилилась в косяк двери возле моей головы, рассыпавшись дождем осколков. Краем сознания я узнала в этой штуковине оправленный в рамку голопортрет папы и мамы, стоявший на тумбочке возле моей постели, бо́льшая же его часть занялась телом бросившейся на меня сестры.

Когда мы с Верой жили у дяди Хавьера, еще до того, как в ходе случайного психологического обследования я была выбрана, чтобы стать наживкой, мы с ней частенько дрались. Начало бывало всегда одинаковым: я говорила или делала что-то, раздражавшее ее, а она, не вступая в дискуссию, атаковала меня физически. Ни один из ее ударов ни разу не причинил мне серьезного вреда, по той причине среди прочего, что я всегда была сильнее. Временами мне даже думалось, что ее поведение – своеобразный вызов, чтобы я начала вести себя, как отец. Как будто она говорила мне: «Хватит уже, побыла сестрицей-командиршей, а теперь мне нужен кто-то, кто сумеет поставить меня на место». Это прекрасно объясняло обычные наши потасовки, но этого объяснения явно было недостаточно для этой яростной атаки – на меня набросилась одержимая бешенством фурия.

Что меня поразило больше всего – в ее исступлении был и расчет, и контроль. Она схватила меня за лацканы куртки и втащила в спальню, то подтягивая к себе, то отшвыривая к стене. Потом, не отпуская, развернула меня и бросила на кровать, уселась на живот и стала душить. Она давила не со

всей силы. И все же, глядя в ее покрасневшие, обезумевшие глаза, я понимала, что там, в ее мысленном взоре, я была задушена уже не раз.

– Сука! – сквозь зубы хрипло шипела она. – Убью тебя!

Я не оказывала сопротивления, только пыталась ухватиться ртом воздух. Тогда она отпустила меня, обдав напоследок целым дождем звонких шлепков, раздаваемых справа и слева. Я подняла для защиты обе руки и, выбрав момент и воспользовавшись тем, что лицо у меня было прикрыто – руками и чем-то лежавшим на кровати, – произнесла ровным печальным голосом:

– Давай-давай, продолжай, я это заслужила.

И тут она застыла на месте, словно окаменела: кулаки повисли в воздухе, дышит тяжело, как лошадь. Я всего лишь использовала упрощенную технику Любви, при которой произносимые слова призывают как раз к тому, чего ты хочешь избежать, как в искусном шекспировском монологе Марка Антония, произносимом над бездыханным телом Цезаря. Собственно, Любовь не была филией Веры, но я знала, что некоторые жесты этой маски могут затормозить либо, наоборот, усилить проявление отдельных психомов на несколько секунд. Мне совсем не нравилось использовать эту маску против собственной сестры, но это было всяко лучше, чем ответить на ее яростную атаку применением физической силы.

– Ну что, теперь мы можем поговорить? – Я положила ру-

ки на голову и пропустила между пальцами несколько прядей волос, чтобы продлить ее наслаждение. – Ну пожалуйста. Давай поговорим, а?

Вера опустила руки и, все еще сидя на мне верхом, вдруг рухнула, подобно горной лавине.

– Что ты со мной сделала? Как ты могла?.. Вот ведь сука! Как ты только смогла?..

Я дала ей возможность выплакаться – скрючившейся, упавшей на мое плечо. Это для меня было больнее, чем ее удары. И я обняла ее – несмело, опасаясь нового взрыва.

– Я не хочу потерять тебя, Вера, – сказала я. – Тебя – нет.

– Ты меня уже потеряла, – ответила она неожиданно холодно.

Вера встала, отбросила волосы с лица, и моему взору предстали темные круги под глазами – следы и слез, и бессонницы. Она одернула длинную желтую футболку до середины бедра, под которой был надет черный обтягивающий комбинезон, доходивший до колен, где, в свою очередь, начинались ремешки сандалий в римском стиле. И, поправляя одежду, она не переставала говорить – ледяная, взбешенная:

– Вот с этим ты и останешься, сестричка... Ты можешь бросить работу, можешь отправиться в постель с Мигелем Ларедо, нарожать детей и водить их в кино... Можешь начисто забыть о папе и маме... Но я этого делать не буду, даже если сто Падилий отстранят меня от работы... Я сообразила, что вполне могу оставаться наживкой, даже если меня вы-

швырнут. Милая профессия. Я не хочу от нее отказываться. О нет! *Не сейчас*. И даже ты не сможешь мне помешать, – заявила она, сдерживая слезы. – И знаешь что? С тех пор как погиб профессор Женс, у тебя в отделе меньше влияния, чем у сухой палки... Никто тебя не слушает, никто не обратит на тебя внимания. Ты ушла, ты – out¹⁶. Падилья снова примет меня на работу. Ему что, трудно? Если я вернусь с добычей, ему же лучше. Если нет – с него не убудет от того, что я попробую. Сечешь?

– И кто тебе все это наговорил? Падилья?

– Да, он мне сказал сегодня, что это ты надавила на него в понедельник, требовала моего отстранения! – И она заплакала.

Я поднялась и села на кровати. У меня болело горло, волосы выбились из-под резинки, казалось, что губы разбиты, но крови не было. Вера плакала, глядя на осколки голопортрета родителей. А я обдумывала способы, которыми Падилью можно было бы заставить заплатить за его предательскую болтовню, но вдруг поняла, что тут еще что-то. Я почувствовала это по дрожанию Вериных рук, когда она одергивала футболку, по интонации, с которой она сказала: «*Не сейчас*», по жестокости ее ударов... Что-то большее, чем новое знание о моих интригах. Я воспользовалась паузой и спросила:

– Что произошло?

Она заговорила, не поднимая глаз, каким-то ледяным го-

---

¹⁶ Вне игры (англ.).

лосом:

– *Элиса у него...* Она пропала прошлой ночью, во время смены в районе Цирка... Расследование показало, что это был *он...*

Холодный пот омыл меня с головы до ног, пока Вера говорила, но я постаралась скрыть свою панику, чтобы не усугубить ее чувства.

– С ней могло случиться что-то другое, – соврала я, от души желая, чтобы Вера догадалась, что я ее обманываю, – для ее же спокойствия, поскольку так мне, быть может, и удастся заставить ее поверить в мою следующую (и гораздо большую) ложь. – Кроме всего прочего, даже если и случилось худшее, Элиса – хорошая наживка. До сих пор ни одна из нас не смогла заманить Наблюдателя в ловушку, так что он не ожидает получить наживку... Если она у него, если это *он*, то Элиса его обезвредит, это точно...

Самым страшным для меня было убедиться в том, что Вера *делает вид*, что *верит мне*, как в тех замедленных *стриптизах* маски Любви, когда жертва все глубже насаживается на крючок, полагая, что мы хотим ее обмануть.

– Да, конечно. Эли уделает его, этого козла... но я не брошу ее.

– Но он далеко не всегда похищает другую девушку, когда у него уже есть одна... – привела я довод.

– Если он сделал это однажды, то может и повторить.

– Понимаю, – сказала я, колеблясь. Но единственным, что

я на самом деле понимала, было то, что на этот раз не смогу удержать сестру, и это заставляло меня чувствовать себя неуверенной, зависимой от всего, что она мне ни скажет, а это, в свою очередь, выводило меня из себя. – Но ты в любом случае не должна была входить ко мне без предупреждения! Я прекрасно знаю, что сама дала тебе код от двери, но ведь эта квартира под прикрытием... Ты совершила серьезную ошибку.

Этот упрек, естественно, не был лучшим средством, чтобы ее успокоить. Вера, присев на корточки, чтобы собрать осколки родительской фотографии, снова возмутилась:

– Эта квартира – уже не твоя квартира под прикрытием! Ты ушла с работы, разве не так? Скоро ты уберешься отсюда. Кроме того, мне хотелось, чтобы ты знала: тебе не удалось обвести меня вокруг пальца. Сегодня утром я сказала Пади-лье, что, пока Элиса не вернется живой и здоровой, я буду выходить на охоту каждую ночь, нравится ему это или нет. А он мне говорит: «Скажи это своей сестре, это она не хочет, чтобы ты работала». И вот я здесь! Собственно, для этого я и пришла. – Она шмыгнула носом и провела рукой по лицу. – Можешь не сомневаться: я буду выходить каждую ночь, пока этот козел не выберет и меня или пока не вернется Элиса, клянусь тебе... – Голос ее дрогнул.

– Ты разбила портрет папы с мамой, – прервала я ее, сама не зная почему ощутив вдруг такую же глупую обиду, как и она.

– Ты сама их растоптала, – возразила она. – Их и память о них.

Это обвинение заставило меня действовать. И я заговорила неожиданно хладнокровно:

– Нет, я не растаптывала. Родителей убили прямо на наших глазах, Вера, когда тебе было пять лет, а мне двенадцать. А с нами сотворили такое, что мы даже не можем этого вспомнить. Мы несколько месяцев провели в больнице, и вот это время я уже помню хорошо. У тебя были разорваны барабанные перепонки, и ты не могла меня слышать. Врачи объяснили, что они лопнули от ударов. Большую часть дня ты спала, но я старалась сидеть рядом, чтобы ты могла увидеть меня, как только проснешься, а когда ты просыпалась, я разговаривала с тобой, хотя и знала, что ты меня не слышишь. Знаешь, что я говорила? Я говорила, что не сумела помочь тебе в тот раз, но что клянусь памятью наших родителей, что больше никогда-никогда в жизни не допущу, чтобы кто-нибудь тебя обидел. Я клялась, что убью любого, кто хоть пальцем тебя тронет. Нет, не убью. Что я сожру его живьем. И я старалась сдержать свою клятву. – Я остановилась. – Да, я сыграла с тобой в понедельник плохую шутку, знаю, но сделаю это снова и снова, если буду считать, что ты в опасности. Сделаю *что угодно*, если буду так думать, Вера. Что угодно. И не только ради тебя, а и ради мамы с папой.

Вера собрала все осколки портрета и теперь аккуратно раскладывала их на моей прикроватной тумбочке. Затем по-

вернулась и взяла с плетеного стула свой вязаный кардиган. Она молча надела его и, мотнув головой, разбросала по спине свои роскошные длинные каштановые волосы. Когда она наконец взглянула на меня, на нее было больно смотреть: в ее глазах читалось столько одиночества...

– Ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, – равнодушно сказала она. – А я буду каждую ночь выходить на охоту за этим скотом. Каждую. – Она направилась было к выходу, но вдруг обернулась, будто что-то забыла. – Об одном только прошу: оставь свое сочувствие при себе.

Уходя, она не закрыла ни одной двери. И довольно долго – я тоже.

– Какого дьявола тебе еще надо, Бланко? Сейчас не самое лучшее время для телефонных разговоров, черт возьми, мы по уши в дерьме с прошлой ночи и очень заняты... Ты ведь, наверное, уже знаешь о похищении Элисы...

– Да, Вера мне рассказала, – произнесла я, подавляя гнев. – И кое о чем еще.

Падилья смутился:

– Послушай, я вынужден был сказать правду, когда она позвонила сегодня утром... Она была вне себя, на стену лезла из-за истории с Элисой, понимаешь? Она заявила, что все равно выйдет ночью на охоту, что бы мы ни делали, что мы не сможем ей это запретить...

– Но вы можете, – сухо сказала я.

Я старалась не вкладывать в свои слова никаких эмоций, хотя мы говорили всего лишь по телефону, а не лицом к лицу на фоне декораций. Хулио Падилья, начальник нашего отдела, Цезарь всех наживок, был приверженцем филии Прощения, как и Вера. Поэтому говорить коротко и хладнокровно было самым верным способом не задеть его.

– Вы можете вызвать ее на дисциплинарный совет, – продолжила я. – Можете отвлечь ее от этой идеи, заняв ее репетициями – по проекту на каждую ночь. Можете послать к ней домой другую наживку, чтобы она зацепила ее Прощением. Можете посадить возле ее двери сторожевых псов...

– А еще можем сделать так, чтобы некий прорицатель поставил ее в известность о мартовских идах¹⁷, – проорал Падилья в трубку, прижатую к моему уху.

Я говорила с ним, стоя на полу на коленях и одновременно бешено колотя по клавиатуре своего ноутбука, чтобы извлечь из нашей запароленной сети все файлы, имевшие отношение к технике Жертвоприношения.

– Хорош, Бланко. В понедельник я пошел у тебя на поводу, повелся на твои угрозы, но не забывайся, о'кей? Желаете, чтобы мы охраняли твою сестрицу? А что предложишь взамен – деньги или свое тело? – сыронизировал он.

– Наблюдателя, – сказала я. – Прямо на блюдечке с голубой каемочкой.

---

¹⁷ *Мартовские иды* – имеется в виду убийство Юлия Цезаря, диктатора Римской республики, 15 марта 44 г.

Воцарилось молчание.

– Шутишь.

– Нет.

– Позволю себе напомнить, что ты больше двух месяцев пыталась его заарканить, красавица.

– Я пытаюсь его заарканить больше двух месяцев, выполняя рутинную работу, которую рекомендуют перфис. Отныне я займусь этим сама. В режиме ненормированного рабочего дня.

– Что, великая и могущественная Диана Бланко умоляет принять ее обратно на работу? – Он явно издевался. – Так не бывает, красотка, это тебе не «туда-сюда, обратно», как в сексе, детка. Представь себе административный сыр-бор, если придется снова оформлять тебя в штат...

– Но я не хочу, чтобы меня вновь взяли в штат, я собираюсь заняться этим автономно, сама по себе. Я вручу тебе Наблюдателя, не взяв за это ни одного евро. Единственное, чего я прошу, – чтобы ты не пускал на охоту мою сестру.

Опять тишина. Мне было известно, что Падилья, на свой лад, даже более политкорректен, чем Алварес, но в общении с наживками часто бывает настоящим грубияном. Поговаривали, что после несчастья с его дочкой, в результате которого она осталась паралитиком, все человеческое по отношению к службе полностью атрофировалось, и возможно, именно поэтому он и считался таким хорошим начальником. Но я старалась воззвать не к его гуманности, а к его оппортунизму.

– И мне не понадобится никакая помощь, – прибавила я, – кроме одного: устрой мне встречу с перфис завтра, с утра пораньше. Мне нужно знать о Наблюдателе *все*: все, что вы уже знаете, все, о чем подозреваете, все, что только воображаете, – от размера его рубашки до партии, за которую он голосует на выборах. Всю общедоступную информацию, всю секретную и всю конфиденциальную.

Смех Падильи пробился раскатами, словно звучал под сводами галереи.

– Диана Бланко, «извилина» Женса, ты не меняешься... Ну и зачем все это? Чтобы защитить сестру? Но мы не сможем контролировать Веру до тех пор, пока ты не поймаешь этого монстра, если ты его, конечно, вообще поймаешь, пойми ты, наконец...

Я это понимала и заготовила ответ:

– Дай мне неделю. Если до следующей пятницы я его не поймаю, то отступлюсь.

– Целую неделю держать на привязи Веру? Мне придется, наверное, посадить ее в тюрьму...

– Это уж твои проблемы.

Я нашла около сотни файлов на тему маски Жертвоприношения. Скачала их на виртуальную панель, висящую в воздухе, и моя гостиная засверкала огоньками, как рождественская елочка. После этого я кликнула на папки с материалами о Наблюдателе, пооткрывала и их в ожидании ответа Падильи. Он же всегда, когда предстояло принять какое бы

то ни было решение, еле шевелился, как дремлющий слон.

– Целая неделя – это очень много, умница ты моя.

– Тогда три ночи – пятница, суббота и воскресенье – и встреча с перфис на завтра.

– Да ты и гребаного кролика не поймаешь за три ночи.

– А что ты теряешь, если попробуешь? Я ведь что тебе предлагаю – сменить новобранца на ветерана, причем совершенно даром, гений ты наш.

– Не думаете ли вы, сеньорита, что вся Криминальная психологическая служба Мадрида – это в аккурат то, что вы-скакивает из ваших гребаных яичников, какой бы Дианой Бланко вы ни были?

Я не смутилась, продолжая, пока мы беседовали, открывать новые страницы.

– Ты сам знаешь, что мне под силу поймать его, Хулио. Но мое имя даже не придется упоминать. Вся слава достанется тебе, Вера останется дома, а со мной ты сможешь сделать все, что выскочит из твоих гребаных тестикул.

Еще одна пауза, на этот раз короткая.

– Три ночи. И ни одной больше, Бланко, – сказал Падилья и повесил трубку.

Рикардо Монтемайор и Начо Пуэнтес, пара перфис, занимавшихся данным делом, утром в пятницу ждали меня в «Хранителях». Когда мы все уселись, Монтемайор сказал:

– Начинай-ка ты, Начо.

– Нет, please¹⁸, давай ты. Я остановлю, если ты ошибешься.

– Уф, тогда тебе за все утро не удастся и рта раскрыть.

Мы улыбнулись. Монтемайор и Начо всегда прикалывались.

– Ну, поехали. – Монтемайор приподнял бровь. – В профиле Наблюдателя есть вещи хорошие и есть очень плохие...

– Уже ошибся, sorry¹⁹, – прервал его Начо. – Есть вещи плохие, очень плохие и абсолютно отвратные. Последних – большинство.

– Принято. Я не намерен размениваться на придирки к вашей точке зрения, монсеньор Пуэнтес.

Начо поднял руку в знак благодарности. Монтемайор продолжил:

– В любом случае данных много. Возможно, будет лучше, если ты будешь задавать вопросы, Диана.

Я скрестила ноги и переложила в левую руку маленький

---

¹⁸ Пожалуйста (англ.).

¹⁹ Извини (англ.).

ноутбук – а он помещался у меня в ладони, – чтобы правой почесаться под маечкой на бретельках.

– На самом деле, парни, вопрос у меня один, – сказала я. – Что мне сделать, чтобы порвать его в клочья за три дня?

– Вот придумаешь сама этот способ – и нам расскажешь, – откликнулся Начо.

– Дорогой ученик, – встрял Монтемайор, – сеньорите Бланко альфа нужна раньше, чем омега.

– О'кей, папочка.

Монтемайор фыркнул и снова приподнял бровь, откидываясь в кресле. Было заметно, что лет ему побольше, чем Начо, но не настолько, чтобы годиться тому в отцы. Несмотря на его лысину и седоватую бородку, немногочисленные морщинки и еще упругая кожа выдавали сорок с небольшим, хотя и подпорченные выпирающим животиком. Одевался он всегда удивительно небрежно и предпочитал (неведомо почему) милитаризованные жилеты и брюки-камуфляж, то и другое – нашпигованное карманами. Полную противоположность представлял собой Начо Пуэнтес – одетый, как манекен, из тех, что с легкостью можно себе представить в витрине шикарного бутика. Густая копна черных, зачесанных назад волос, смуглая кожа и черные глаза. Тело его, как у солиста балета, было подчеркнуто дорогими костюмами (на этот раз – приталенным коричневым от Армани) и отличалось столь совершенной красотой тридцатилетнего мужчины, что это казалось почти пошлым. Поговаривали, что он

гей и что его любовник – не кто иной, как Монтемайор, однако я подозревала, что слух этот порожден завистью представителей мужского пола, склонных навешивать ярлык гомика каждому древнегреческому богу, встреченному ими на планете Земля.

Одно было верно: эти двое являлись лучшими профилировщиками всей европейской полиции, а для меня сейчас только это и имело значение. Потому что Наблюдатель был самым *худшим* из всего, что появилось в Европе за последнее время.

– Итак, что нам известно? – Монтемайор выстукивал что-то на маленькой клавиатуре своего ноута. – Нам известно, что это мужчина, кавказец, возраст – около сорока лет, привлекательной внешности, здоровый, умный, с высокими доходами... В общем, почти как наш Начо, – подвел он итог.

– Мое финансовое положение пока недостаточно высоко, dear professor²⁰, – вставил слово Начо.

– И надеюсь, для твоего же блага, что между вами существуют и другие различия, – отозвался Монтемайор. – У него имеется хорошо оборудованный дом, в несколько этажей и с подвалом или, что тоже возможно, двухуровневым подвалом. Вероятнее всего, дом расположен в окрестностях Мадрида, с меньшей вероятностью – в граничащих с Мадридом провинциях. Филик Жертвоприношения...

– И еще какой! – поддакнул Начо. – Использует веревки

---

²⁰ Дорогой профессор (англ.).

даже для того, чтобы зафиксировать голову жертв.

– Оставим его извращения на десерт, дорогой ученик. Сначала – альфа.

– All right²¹. А еще у него слюнки текут от черных топов, ремней, G-strings...

Монтемайор с упреком взглянул на коллегу.

– G-strings, – буркнул он. – Стринги, дьявол! Говори по-человечески, черт побери.

– Sorry, daddy...²²

– В настоящее время живет один. Мы с Начо склоняемся к тому, что он скорее вдовец, чем ГР.

Я подняла глаза от монитора своего ноутбука:

– ГР?

– «Гребаный разведенный», – пояснил Начо, и оба расхохотались. – Судебные иски, драки за детей, астрономические алименты – в общем, сама понимаешь...

– Мы думаем, скорей всего, его жена исчезла с лица земли.

– Мы думаем, скорей всего, он сделал так, чтобы она исчезла, – уточнил Начо.

– Но не знаем, когда именно. Возможно, она стала его первой жертвой. – Монтемайор пожал плечами. – Ему понравилось, вот он и продолжил. На самом деле его эволюция отмечена знаками «Бирона-клятвопреступника», – процитировал он менторским тоном. – Мы не знаем, когда он

---

²¹ Хорошо (англ.).

²² Прошу прощения, папочка (англ.).

начал, возможно, еще в юности, но со временем усовершенствовал свои ритуалы и ускорил ритм. Возможно, поначалу он странствовал, и все происходило нерегулярно. Сейчас он «Бирон» и у него есть свое постоянное место, свое «королевство». Мы полагаем, что это его дом, и именно потому считаем, что он разделен на две части: одна, верхняя, — для сознания, другая, нижняя, — для желаний.

Это я записала. Я знала, что Монтемайор имеет в виду исследование Виктора Женса о шекспировской комедии «Бесплодные усилия любви», в которой король и трое его придворных клянутся вести аскетичную жизнь, посвященную наукам, пока от своих намерений их не заставляет отказаться вмешательство четырех дам французского двора. Первым из четверых, кто решился нарушить клятву, стал персонаж по имени Бирон, и Женс назвал его именем тип преступника, который после долгого воздержания выпускает на свободу свой псином, да так, что ничто не может его остановить. Скрестив ноги, с ноутбуком на коленях, я выстукивала на клавиатуре: «Это Бирон; миновал этап подавления желаний Жертвоприношения. Сейчас все сконцентрировано в его доме, предположительно в нижней части».

Я мягко прервала Монтемайора и спросила, может ли так оказаться, что эта особенность связана с филией Взгляда, той самой, что, согласно Виктору Женсу, была ключом и символом этой комедии. Перфис согласился с моим предположением.

– Тем не менее и в этом случае нельзя сбрасывать со счетов важность визуального контакта, Диана, – уточнил Монтемайор. – Я не хочу сказать, что ему не понравится, если ты будешь на него смотреть, но его сознание в какой-то точке выжжено псиномом, и это усилило осознание им себя как доминирующего субъекта.

– Как и ритм его активности в качестве сексуального ма-
ньяка: девятнадцать жертв за восемь месяцев, – присовокупил Начо.

– Двадцать, если прибавить Элису, – сказал Монтемайор. Я немного отвлеклась, размышляя о том, что хорошо бы снова пролистать старое исследование Мура, посвященное технике Взгляда, и мне пришлось попросить их повторить последние цифры. И я почувствовала, как меня охватывает дрожь.

– По моим сведениям, их было всего двенадцать, – проговорила я.

В воздухе между профилировщиками появился виртуальный монитор с двадцатью разложенными, словно игральные карты, лицами.

– В Управлении внутренних дел решили замести сомнительные случаи под ковер, чтобы не усиливать панику, – пояснил Монтемайор, – но штука в том, что это не только проститутки и не только иммигрантки. У нас есть несколько испанок, одна туристка-француженка, одна польская гимнастка, одна русская...

– В любом случае многие из Восточной Европы, – вставил слово Начо. – Но он все же космополит, хоть и выбирает только длинноногих: у нас имеются даже две балерины. – И подмигнул мне. – У тебя вот ноги достаточной длины. Это очко в твою пользу.

– Да я ему все яйца отобью своими длинными ногами, – отозвалась я, и Начо расхохотался. – А почему так много иностранок? Может, он и сам иностранец?

Начо покачал головой:

– Он, кто бы сомневался, гражданин мира, но каким-то образом оказывает на своих жертв успокаивающее воздействие, поэтому мы подозреваем, что он говорит по-испански и, предположительно, по-английски, причем вполне прилично, как носитель. Его pick-up²³ носит спонтанный характер, ничего похожего на «давай залезай, или буду стрелять» или, там, удар по голове, хотя уже на конечном этапе, когда он запикивает их в машину, тут уж да, в ход идут drugs²⁴ – сильнодействующий спрей-анестетик, который оставляет после себя запах роз.

– Бога ради, Начо! – перебил Монтемайор. – Ты хоть когда-нибудь можешь говорить, как все люди? «Его pick-up... drugs»... – Он взглянул на меня, притворно сердитый. – Извини, он в таком состоянии с тех пор, как этим летом вернулся после совместной работы с командой из Беркли... Он

---

²³ Захват, взятие (англ.).

²⁴ Наркотики (англ.).

и мне отвечает «let's go»²⁵ каждый раз, когда я спрашиваю, не пойти ли нам обедать...

– Заткнись уже, Монте, гребаный испанский son of a bitch²⁶, – тихонько пропел Начо.

И я улыбнулась – именно так, как следует даме, окруженной жизнерадостными кабальеро. Мне не встречался ни один перфи, который постоянно не прикалывался бы, – возможно, потому, что всю жизнь им приходится изучать под микроскопом настоящий ужас. Они шутят и прикалываются еще больше, чем судмедэксперты... и эта мысль подвела меня к следующему вопросу:

– Как вы думаете, у него есть навыки судмедэксперта?

Монтемайор поднял брови, а Начо засопел.

– Мы куда быстрее закончили бы, если взялись бы перечислять тебе, чего он не умеет, – ответил первый, очень серьезно. – Он профессионал по части забора анализов, использует лучшие системы расшифровки ДНК и стравливания отпечатков пальцев, под конец сканирует тело... Что тебе еще нужно? Он знает информатику, разбирается в медицине...

– В общем, как любой в наше время... – уточнил Начо. – Нынешний всеобщий доступ к информации виртуально делает нас экспертами в чем угодно.

– Таким образом, не обязательно, что он медик либо по-

---

²⁵ Пойдем (англ.).

²⁶ Сукин сын (англ.).

лицейский...

Профилировщики переглянулись.

– На сайте «eBay» продаются расшифровщики ДНК последнего поколения, – припомнил Начо.

– Любой пацан со средним интеллектом смог бы иметь те же познания, что и он, если бы поставил перед собой такую цель, Диана, – прибавил Монтемайор.

Какое-то время я увлеченно стучала по клавиатуре, а когда подняла глаза, то поймала Начо за разглядыванием моих грудей, ничем не стесненных под топом на бретельках. Ничуть не смутившись, он улыбнулся, а я улыбнулась в ответ. Как будто он хотел сказать мне: «Работа и удовольствие не есть нечто несовместное».

– А то, что вы мне уже поведали, – это хорошая часть или мы уже в худшей? – поинтересовалась я.

Начо заерзал, по его бархатистому пиджаку побежали опаловые тени.

– Мы еще и не подоברались к плохой, honey²⁷. А ты что скажешь, Монте?

– Скажу, что плохая начинается, когда узнаёшь, что он – эксперт по псиномам.

– Что?

Оба смотрели на меня, подтверждая сказанное молчанием. Монтемайор указкой закрыл папку с лицами жертв и оставил ее висеть в воздухе.

---

²⁷ Дорогой – ласковое обращение к человеку (англ.).

– Мы уверены, что он знаком с миром наживок и избегает нас, Диана. Соответственно, с ним не сработают классические трюки. Например, возьмем костюмы. Ты, естественно, знаешь, что приверженцы Жертвоприношения реализуют захват в момент выбора. Это уже доказано. Охота может затянуться, но захват неизменно совершается при выборе, и, следовательно, внешность играет ключевую роль, так?

Я кивнула. Это мне было известно.

– Однако нельзя сказать, что каждая жертва была одета в полном соответствии со вкусами любителя Жертвоприношения. Француженка, Сабина Бернар, была одета вот в это пальто... – Монтемайор лазерной указкой тронул папку.

В полутьме комнаты, одного из четырех кабинетов перфис в «Хранителях», появилось изображение манекена в пальто. Монте покрутил его во всех трех измерениях.

– Обрати внимание на участки, исключенные квантовым анализом. Такое пальто не цепляет филика Жертвоприношения, оно, скорей, указывает на филию Обличия. Еще пример: немка, приехавшая в рамках студенческого обмена, Силке-Хедрун Ланг. Она одевалась просто, брюки на ней были свободные, вот такие. – И он коснулся красной точкой лазерной указки краев призрачных брюк, которые сменили в воздухе пальто. – Эта стертость половых различий от пояса и ниже понравится, скорей уж, филику Падения. Но Надя Хименес, проститутка, которую он умыкнул месяцем позже, разгуливала почти что голой: только цветной топ и дизай-

нерские очки – такой костюмчик понравится прежде всего филикам Эксгибиции. Филик Жертвоприношения не испытывает влечения к голым ногам.

Я была сбита с толку.

– Тогда почему вы рекомендуете нам выходить в костюмах для любителей Жертвоприношения?

– Потому что статистический анализ данных по костюмам показывает, что этот тип процентов на пятьдесят-семьдесят – приверженец Жертвоприношения, – пояснил Монтемайор. – А остальное распределяется между разными филиями. Мы пытались ввести кое-что из этих деталей в ваши одеяния, но пока без видимого успеха...

– А откуда они берутся, эти другие филии?

– Погоди. Мы покажем и другие примеры.

Еще одна быстрая пробежка пальцев по клавиатуре – и в воздухе повис квадрат. Соты с квадратными ячейками, в каждой из которых помещался некий элемент декораций: фонари, тротуары, стены.

– Сценарий также не очень-то вписывается во все случаи, – продолжил Монтемайор. – У нас есть свидетель похищения польской студентки Сувенки Заяц, в мае. Одна женщина как раз смотрела в окно и видела, как девушка садилась в машину...

– Она обратила внимание на марку и номер машины и запомнила их, бедняжка, – встрял Начо, – однако сеньора была уже в очень почтенном возрасте, ясное дело. Она не в

курсе, что существует технология портативного скоростного тюнинга. У меня есть такая штука. Помещается в багажнике. В этом-то вся соль: можешь отогнать машину в чисто поле – и через полчаса она станет неузнаваемой. И это не считая таких изошренных методов, как... О, извините, dear professor... Я вас перебил.

Прежде чем продолжить, Монтемайор тяжело вздохнул, одновременно совершая некие манипуляции с висящей в воздухе картинкой.

– Сувенка ждала на остановке автобуса, и именно в этот момент он ее и выбрал. Взгляни на то, что ее окружало. Кукула показывает местонахождение девушки: она располагалась в углу. Довольно хорошая рамка вокруг, сказал бы я. И как только она видит, что приближается машина, она разворачивается, вот так, увеличивая тем самым вероятность того, что любитель Жертвоприношения выберет именно ее... Но смотри внимательно: вот с этого ракурса или с этого, то есть с тех двух направлений, откуда могла подъезжать машина... – Он разворачивал тело изображавшего женщину манекена в разных плоскостях, разъяв его на части, которые, в свою очередь, автономно изменяли позицию: талия, грудь, ноги... – Видишь? Сценарий, в котором он совершил свой выбор, не был чистым случаем Жертвоприношения, он гибридный – смешан со сценарием Ауры или Загадки, даже если мы примем во внимание детали поведения жертвы... Без сомнения, палач, который взял свою жертву в таких условиях, – это *не*

приверженец Жертвоприношения, держу пари на свою годовую зарплату...

– Не ставь на кон кусок дерьма, а то нам никто не поверит, – возразил Начо.

Монтемайор его проигнорировал:

– А при выборе Геррит ван Оостен...

Я решила его остановить:

– Но ведь может быть, что не *эти* моменты оказались *моментами выбора*... – Я осеклась, увидев выражения их лиц. – Но, конечно, вы разбираетесь в этом лучше меня...

– Псином, дорогая Диана, – это *математика*, – холодно возразил Монтемайор. – Ты смотришь на это дело глазами актрисы на сцене, но тот, кто тебя разглядывает, реагирует точно и просчитываемо – *всегда*.

– Шерлок Холмс – это уж слишком «элементарно», dear Ватсон, – отметил Начо. – Сегодня каждое преступление – это уравнение, решаемое квантовыми компьютерами...

– Кончились сыщики, полицейские, судмедэксперты... – подобно прокурору, вынес приговор Монте. – Теперь в деле только компьютеры, профилировщики, наживки и Шекспир.

– Ну хорошо, – согласилась я.

– О нет, не хорошо, сеньорита Бланко, – в шутку пригрозил Начо. – Вы нас обидели.

– Лучше мы расскажем о том, что имеет к тебе самое прямое отношение, – решил Монтемайор, пока я с напускным смирением бормотала «мне очень жаль, сеньор Пуэнтес».

И вдруг в воздухе поплыли картины чистого, беспримесного ужаса.

– Половые органы жертв. – Монтемайор указал на голографии. – Неорганические объекты, обнаруживаемые в вагине, могут быть двух типов – фаллоидные и нефаллоидные. Приверженцы Жертвоприношения никогда не используют нефаллоидные объекты: это просто-напросто не их способ получить наслаждение. Но в вагине Сувенки Заяц находилось пятнадцать осколков бутылочного стекла, введенных туда один за другим при помощи щипцов. Объект нефаллоидный – осколки стекла, но в приемах их введения есть незначительный процент Жертвоприношения. Чтобы ты составила себе некоторое представление: это как если бы Начо действовал щипцами, ты лишь вводила бутылочные осколки, а я проталкивал бы их поглубже... и каждый из нас влиял своим псиномом на псином другого. А вот в вагине Вероники Касадо, напротив, не было ничего, зафиксировано *только* покушение на изнасилование...

– Ей было всего пятнадцать лет, понятное дело, – подключился Начо. – Это безусловный teenager²⁸ в группе его жертв. Среди филиков Жертвоприношения есть такие, кто не практикует проникновение в жертву, если она слишком юна...

– Принято, дорогой ученик. Но вот сломанные суставы вновь подкидывают проблему. Перелом суставов может быть открытым и закрытым, первый способ практикуется для то-

---

²⁸ Подросток (англ.).

го, чтобы облегчить доступ к гениталиям. Для палача жертвы это некий способ заявить: «Я сломал твои затворы». Наблюдатель использует специальное оборудование, чтобы сломать головку бедренной или плечевой кости и разъединить суставы конечностей. Но у нескольких жертв отмечены вывихи или ампутация фаланг. – Он пошевелил пальцами левой руки. – А это – закрытые формы, не характерные для Жертвоприношения, мой ученик, хотя анализ показывает и некоторый уклон в Жертвоприношение...

Монтемайор еще некоторое время распространялся в том же духе, несомненно, из-за уязвленного самолюбия Начо. Он говорил о «покушениях на просверливание», «незавершенных прободениях», о «гиперразрывах» и все это сопровождал иллюстрациями. Я, глядя на них, окаменела, словно под гипнозом. И даже перестала слышать медицинскую тягомотину Монте. На протяжении своей службы я поймала или помогла поймать с десятков монстров, но все еще испытывала, как и в первый день, то же изумление, тот же ужас, то же безграничное отвращение по отношению к их безумным деяниям. «Почему?» – спрашивала я себя. И хотя хорошо знала, что объяснение этому одно – псином, продолжала задавать себе все тот же вопрос: «Почему?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.